

ОТДѢЛЪ I.

Записка Готскаго топарха.

(Окончаніе)¹⁾.

Черноморская Русь.

Какъ объяснить себѣ, что большинство ученыхъ въ нашихъ «варварахъ» видятъ русскихъ? И даже столь выдающійся изслѣдователь, какъ академикъ Куникъ, отрекся въ послѣдствіи отъ своей хазарской, обставленной вѣскими доводами, гипотезы. См. Галиндо 347: «Я открыто отказываюсь отъ высказаннаго въ 1874 только условно мнѣнія, что подъ варварами топарха нужно разумѣть Хазарь, — для прекращенія всякаго рода споровъ объ этой догадкѣ». Несмотря на такое категорическое заявленіе считаю своимъ долгомъ взять на себя защиту мнѣнія Куника отъ 1874 года противъ него же самого. Куника ввело въ заблужденіе предположеніе о существованіи т. н. вольной Черноморской Руси на Керченскомъ проливѣ до временъ Святослава. Съ этой-то вольной Русью и сталъ Куникъ отождествлять потомъ «варваровъ» Записки. Эта Черноморская Русь надѣлала много зла въ русской наукѣ и поэтому пора съ ней разъ навсегда покончить.

Все, что вообще возможно привести въ пользу Черноморской Руси, сведено въ одно Гедеоновымъ въ его неизданномъ 3 томѣ «Варяги и Русь» и Куникомъ въ «Галиндо и Черноморская Русь». Удивительно, что какъ у Гедеонова, такъ и у Куника на первомъ планѣ стоятъ извѣстія восточныхъ писателей, несмотря на то, что эти извѣстія дошли до насъ въ искаженномъ видѣ и неподвергнуты предварительной критической обработкѣ. Если пользоваться свидѣтельствами восточныхъ писателей, то по крайней мѣрѣ слѣдовало пока-

1) См. Виз. Врем. XV, 1, стр. 71—132.

занія позднѣйшихъ компиляторовъ привести къ первоисточникамъ и относиться критически къ писателямъ до 965 года, до времени похода Святослава въ землю хазарь, ясовъ и касоговъ. Ничего подобнаго не сдѣлано. Понятно поэтому, что неразборчивое и ненаучное отношеніе къ показаніямъ восточныхъ писателей породило ужасную путаницу, въ которой погрязнетъ еще немало ученыхъ, занимающихся изслѣдованіями по древне-русской исторіи.

Гедеоновъ стр. 135: «Извѣстія о ней (Черноморской Руси) и намеки находимъ мы у писателей арабскихъ, еврейскихъ, греческихъ и словено-русскихъ... Изъ нихъ, по своей положительности, стоитъ на первомъ планѣ классическое мѣсто Масуди, достовѣрнѣйшаго и ученѣйшаго изъ восточныхъ писателей († 956 — 957). Онъ говоритъ: Вверхъ по теченію Хазарской рѣки (то есть Волги), есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитасъ, которое есть море Руссовъ и т. д. Вокругъ этого основного, никакого сомнительнаго толкованія не допускающаго извѣстія группируются остальные, какъ предшествующія ему, такъ и позднѣйшія». А все же Гедеоновъ сильно ошибается насчетъ Масуди. Выше приведенное мѣсто подробно анализировано мною въ «Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa» (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, V Serie, Bd. XI, № 4, p. 232—238), куда я и отсылаю читателей. Ср. «Къ анализу восточныхъ писателей о восточной Европѣ» въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія 1908, Февраль, стр. 379—386. «Ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ» — подъ этими словами Масуди разумѣть не берегъ Чернаго, или Азовскаго моря, но западное побережье моря Балтійскаго. Названіе же Чернаго моря «моремъ Руссовъ» у Масуди нисколько не свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ русскихъ на Керченскомъ проливѣ. Съ покореніемъ Угличей и Тиверцевъ границы русскаго государства далеко раздвинулись на югъ до сѣверо-западнаго края Чернаго моря. Наименованіе «русскаго моря» могло произойти и отъ того, что русскіе часто выѣзжали съ торговыми и военными цѣлями въ море и приставали ко всемъ его берегамъ. Въ первую половину X вѣка русскіе господствовали на Понтѣ. Изъ другаго извѣстія Масуди, именно извѣстія о походѣ руссовъ въ 913/914 году, явствуетъ, что они въ означенную эпоху не владѣли побережьемъ Боспора Киммерійскаго, находившагося въ то время въ рукахъ хазарь. Ср. мои Beiträge p. 225—230 и Къ анализу восточныхъ писателей стр. 382 сл.

Загъмъ Гедеоновъ цитируетъ извѣстіе Ибн-Даста (Росте) и Мукаддеси, писателей X вѣка, объ «островѣ Руссовъ». Вопросъ объ этомъ загадочномъ островѣ, съ которымъ и Куникъ не могъ справиться, разобранъ мною въ *Beiträge*, стр. 212—221 и Къ анализу восточныхъ писателей, 1908, Мартъ, стр. 16 сл. Оказывается, что островъ руссовъ совпадаетъ съ *Holmgard* (= островной городъ) исландскихъ сагъ, т. е. съ Новгородомъ, и что первоисточникъ, изъ котораго черпали свои свѣдѣнія позднѣйшіе историки и географы, не знаетъ еще Руси въ области рѣки Днѣпра, населенной къ тому времени исключительно славянами, которыхъ авторъ первоисточника рѣзко отличаетъ отъ Руси, поработившей себѣ землю сѣверныхъ славянъ. Далѣе Гедеоновъ ссылается на Димешки, компилятора XIV столѣтія, «но черпавшаго, какъ извѣстно, изъ наидревнѣйшихъ источниковъ». Восходятъ ли эти источники ко времени до 965 года, Гедеоновъ конечно не знаетъ.

Что же касается Эдриси (1153 г.), то Гедеонову и тутъ слѣдовало бы прежде всего доказать, что тѣ мѣста, на которыя онъ указываетъ въ подтвержденіе своей гипотезы о Черноморской Руси, приводятся къ источникамъ, возникшимъ до 965 года. Но и помимо того, толкованіе извѣстій Эдриси Гедеоновымъ врядъ ли выдерживаетъ критику. Одно уже правописаніе *Bergian*, какъ изрѣдка называются только Дунайскіе болгары, свидѣтельствуетъ объ его ошибочномъ отождествленіи ихъ съ Черными болгарами, жившими по общепринятому мнѣнію на восточномъ побережьи Азовскаго моря. Страна руссовъ и бурджанъ опредѣляется точнѣе упоминаніемъ устьевъ Днѣпра и Дуная. Кто желаетъ ближе ознакомиться съ текстомъ Эдриси, тому совѣтую не довольствоваться однимъ латинскимъ переводомъ, а сравнивать его также съ переводомъ Жюбера. Гедеоновъ, очевидно, напираетъ особенно на слѣдующее мѣсто у Эдриси: «*Amplectitur sexta haec pars climatis sexti particulam maris Pontici cum adjacentibus illi regionibus, complectitur etiam portionem terrae Comaniae, regiones Russiae exterioris (азовскую Русь), aliquot regiones Bolghariae (восточныхъ Болгаръ)*»... Но, во-первыхъ, упоминаніе Половецкой земли, которую Гедеоновъ напрасно ограничиваетъ нижнимъ Дономъ и Каспійскимъ моремъ, опредѣляетъ время составленія этого извѣстія (XI вѣкъ), а во-вторыхъ весьма сомнительно отождествленіе *Russia exterior* съ Русью Тмутараканской. Ср. $\eta \xi \omega \text{ } \rho \omega \sigma \iota \alpha$ у Константина Б. Последнему допущенію противорѣчитъ также терминологія у восточныхъ

писателей, которые приазовскихъ болгаръ называютъ «внутренними», а не «внѣшними». Внѣшніе болгары—это, по восточнымъ писателямъ, болгары приволжскіе, что выясняется мною въ сочиненіи, озаглавленномъ Къ анализу восточныхъ писателей о восточной Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908 Февраль стр. 386 сл.).

Относительно же города Русія, встрѣчающагося у восточныхъ писателей (Эдриси 12 ст., Ибн-Сайдъ 13 в., Ибн-Варди 14 в.) и помѣщаемаго ими на Киммерійскомъ проливѣ, слѣдуетъ сказать, что онъ никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ существованія Черноморской Руси до 965 г.; а что при Владимирѣ было уже Тмутараканское княжество, всѣмъ извѣстно.

Толкованіе отрывка изъ еврейскаго сочиненія Іосифа бенъ-Горіона у Гедеонова въ пользу Черноморской Руси — вполне произвольно. Предполагая даже вмѣстѣ съ Гедеоновымъ, что Бира совпадаетъ съ Beira (Vuizun-beire у Мюнхенск. географа), можно мѣстонахождение Руси съ одинаковымъ, если не бѣльшимъ, правомъ отнести къ Руси новгородской. Но въ виду сопоставленія Іосифомъ Руси съ Vosni, чит. Saksi, и Anglesi, которымъ приписывается одинъ и тотъ же родоначальникъ, гораздо правильнѣе считать этихъ Rusi за норманновъ, населяющихъ Скандинавскій полуостровъ. О нихъ я подробно трактую въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи.

Весьма странно, что Гедеоновъ и извѣстіе Ибн-Хордадбеха относить къ Черноморской Руси. Ибн-Хордадбехъ говоритъ о двухъ торговыхъ путяхъ, по которымъ русскіе изъ отдаленнѣйшихъ концовъ славянской земли отправляются на югъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ (по Днѣпру) въ Черное море, другой по Волгѣ въ Каспійское. О Руси Ибн-Хордадбе см. мои Beiträge въ Bulletin V Serie Bd. XI, № 5, p. 280—288 и Къ анализу восточныхъ писателей. Въ такомъ же ненаучномъ, смѣю сказать, духѣ и другія свидѣтельства восточныхъ писателей подгоняются Гедеоновымъ, во что бы то ни стало, къ Черноморской Руси.

Извѣстія же Эс-Шебангарея (1333), Шукроллаха (1456) и Мохаммеда писателя (1574), приводимыя Гедеоновымъ на стр. 154, лучше разсматривать у Куника, къ изслѣдованію котораго теперь и обратимся.

Куникъ въ своемъ «Галиндо» (326 сл.) приводитъ показанія позднѣйшихъ компиляторовъ, свидѣтельствующія будто бы въ пользу Черноморской Руси.

Персіянинъ Мирхондъ († 1498) въ переводѣ барона Розена: «Послѣ этого (т. е. послѣ того какъ тюркское племя Хазарь поселилось въ краяхъ, гдѣ застала ихъ исторія) пришелъ Русь въ окрестности странъ Хазара и, отправивъ посланца, потребовалъ отъ него (позволенія) поселиться на томъ мѣстѣ. Хазарь очень обласкалъ его посланца, соизволилъ передать ему нѣкоторые изъ острововъ той области, которые имѣли хорошей воздухъ и чистую землю».

Второе извѣстіе Мирхонда: «Что касается до Руса, то онъ былъ человѣкъ безпощадный. Послѣ долгихъ странствованій онъ пришелъ въ окрестности Хазара и потребовалъ отъ брата юрты, чтобы поселиться. И Хазарь обласкалъ его посланца и уступилъ ему нѣкоторые изъ острововъ, которые были землею теплой и имѣли хорошей воздухъ. И обычай творить судъ и расправу Русь установилъ. И обычай Русовъ таковъ, что они все имущество даютъ дочери, а сыну ничего не даютъ кромѣ меча и говорятъ: вотъ это—твое наслѣдство».

По поводу этихъ свидѣтельствъ Куникъ замѣчаетъ: «Къ сожалѣнію, не существуетъ никакой монографіи, по которой можно было бы составить себѣ понятіе объ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ источникахъ, которыми пользовался Мирхондъ при составленіи своего историческаго труда».

Извѣстіе Шабангарея (Галиндо 329/330):

«Осьмое отдѣленіе составляютъ Русы (или Рѣсы). И они живутъ на островѣ (полуостровѣ), длиною и шириною въ 3 дня пути, покрытомъ лѣсами и окруженномъ моремъ. Они безпрестанно разбойничаютъ и только мечемъ находятъ себѣ пропитаніе и добытокъ. Если кто изъ нихъ, умирая, оставитъ сына и дочь, то послѣдняя получаетъ все оставленное отцомъ, а сынъ только мечъ. Ему говорятъ: отецъ твой приобрѣлъ себѣ имущество мечемъ; дѣлай, какъ онъ. Въ году 300 (=912—913) сдѣлались они христіанами. И ихъ постигло горе и они обратились къ исламу и стали мусульманами и желаніемъ ихъ было при этомъ право на войну и грабежъ. Они отправили пословъ къ шаху Хваризма (хвалинскому) — ихъ было четверо — и шахъ Хваризма далъ имъ знатнаго (шерифъ) и радовался ихъ переходу къ исламу. И нынѣ они въ войнѣ недосыгаемы и разбѣзжаютъ по морю, и къ кому придутъ, того убиваютъ и грабятъ. Они всѣхъ превосходятъ могуществомъ, и лошадей у нихъ нѣтъ. Богъ знаетъ это лучше. И много есть тюркскихъ родовъ и племенъ, и это все, что извѣстно о ихъ обычаяхъ, о ихъ образѣ жизни, о ихъ жилищахъ и поселеніяхъ и вѣрѣ».

«До сихъ поръ еще не изслѣдовано, какіе источники служили основаніемъ для составленія сочиненія Шабангарея (ок. 1333) и откуда два другихъ компилятора Шукроллахъ (1456) и Мохаммедъ (1574) заимствовали свои краткія свѣдѣнія о мухамеданской Руси» (Куникъ).

Шукроллахъ у Гаммера: L'an de l'Hégire 303 on les craignit, et cette peur les fit Musulmans. Leur but en se convertissant était de légitimer le butin.

Мохаммедъ у Гаммера: L'an de l'Hégire 333 ce peuple fut éclairé par le rayon de la direction divine et se convertit à l'Islam pour jouir à juste titre de son butin.

Къ нашему счастью болѣе подробный разсказъ о томъ же предметѣ сохранился у ал-Ауфи, писателя XIII вѣка, и опубликованъ Бартольдомъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ IX, Выпуски I—IV, С.-Петербург. 1896, стр. 262—267.

«Русы живутъ на одномъ островѣ среди моря; какъ въ длину, такъ и въ ширину островъ простирается на три дня пути. На томъ островѣ есть деревья и лѣса; онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ. Они постоянно занимаются разбоемъ и знаютъ только одно средство добывать себѣ пропитаніе—мечъ. Если кто-нибудь изъ нихъ умретъ и послѣ него останутся сынъ и дочь, то все имущество отдаютъ дочери, а сыну не отдаютъ ничего, кромѣ одного меча, и говорятъ ему: твой отецъ добылъ себѣ имущество мечемъ. (Такъ было до тѣхъ поръ), пока они не сдѣлались христіанами въ 300 г. гижры; принявъ христіанство, они вложили тѣ мечи въ ножны. Такъ какъ они не знали другого способа добывать себѣ пропитаніе, а прежній былъ (теперь) для нихъ закрытъ, то ихъ дѣла пришли въ разстройство, и жить стало имъ трудно. Поэтому они почувствовали склонность къ религіи ислама и сдѣлались мусульманами; ихъ побуждало къ этому желаніе получить право вести войну за вѣру. Они отправили пословъ къ хорезмшаху; пословъ было четверо, изъ родственниковъ царя, правившаго вполнѣ самостоятельно и носившаго титулъ Буладмира, какъ туркестанскій царь носить титулъ хакана, болгарскій—титулъ владавца [чит. илтвер]. Когда послы пришли къ хорезмшаху, онъ очень обрадовался ихъ желанію принять исламъ, пожаловалъ имъ почетные подарки и отправилъ одного изъ имамовъ, чтобы научить ихъ правиламъ ислама. Послѣ этого они сдѣлались мусульманами. Они совершаютъ походы на отдаленныя земли, постоянно странствуютъ по морю на судахъ,

нападаютъ на каждое встрѣчное судно и грабятъ его. Могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только что у нихъ нѣтъ лошадей; если бы у нихъ были лошади, то они приобрѣли бы господство надъ многими народами».

Первая часть этихъ извѣстій, кончая словами: «Твой отецъ добылъ себѣ имущество мечемъ», сводится къ источнику, изъ котораго черпаютъ Ибн-Росте, Кардизи, ал-Бекри и др. Этотъ первоисточникъ восходитъ къ серединѣ IX вѣка, какъ это мною разъяснено въ *Beiträge* № 4, первая статья. Ср. Къ анализу восточныхъ писателей (Ж. М. Н. Пр. 1908 Мартъ стр. 16 сл.). Островъ русовъ, какъ уже было сказано, лежитъ на сѣверѣ восточной Европы и по всей вѣроятности тождественъ съ *Holmgard* исландскихъ сагъ. Слѣдующія затѣмъ извѣстія относительно принятія ислама не могутъ, по причинѣ упоминанія Владимира (Буладмиръ или Вуладмиръ), пасть на время до 988 года. Поэтому отмѣченныя даты 300, 303, 333 гиджры искажены переписчиками. Бартольдъ стр. 266: «Въ примѣчаніяхъ къ переводу Ауфи мы привели нѣкоторые источники, изъ которыхъ онъ повидимому заимствовалъ свои свѣдѣнія; но о томъ, какъ дошло до него извѣстіе о посольствѣ Владимира, мы ничего не можемъ сказать. Замѣтимъ только, что Ауфи, судя по одному мѣсту въ его книгѣ, въ молодости былъ въ Хорезмѣ». — Что же касается послѣднихъ сообщеній, начиная со словъ: «Они совершаютъ походы на отдаленныя земли», то они лучше всего подходятъ къ X столѣтію.

Послѣ всего вышесказаннаго ясно, что и въ основѣ разсказа Мирхонда лежатъ извѣстія первоисточника, относящагося къ IX столѣтію и ничего не знающаго ни о Руси черноморской, ни даже о Руси приднѣпровской.

Таковы главнѣйшія свидѣтельства, на почвѣ которыхъ возникла призрачная теорія о вольной Черноморской Руси. Ср. Къ анализу восточныхъ писателей (Ж. М. Н. Пр. 1908 Мартъ стр. 28 сл.). Что же говорить о показаніяхъ другихъ писателей, заключающихъ даже по Гедеонову только намеки на Черноморскую Русь? Нѣсколько большее значеніе въ глазахъ Гедеонова, повидимому, имѣютъ извѣстія Льва Діакона и договоры Олега и Игоря съ греками.

По Льву Діакону, писавшему въ концѣ X вѣка, Игорь послѣ своего пораженія отправился будто бы не прямо въ Кіевъ вверхъ по Днѣпру, а сначала въ Киммерійскій Боспоръ: *aegre cum naviculis decem ad Cimmerium Bosporum est reversus*. Тѣ же послы Цимисхія

требовали отъ Святослава *ut... ad suas sedes et Cimmericum Bosporum se recipiat*. Святославу греки хотѣли своими кораблями преградить обратный путь изъ Дуная въ Черное море: *ut Scythis, si forte se fugae darent, domum inque Cimmericum Bosporum renavigandi facultas auferretur*. Спрашивается, имѣлъ ли Левъ Діаконъ ясное представленіе объ очертаніи сѣвернаго побережья Чернаго моря? Частое повтореніе выраженія «Киммерійскій Боспоръ» тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о родинѣ русскихъ, наводитъ на мысль, что этотъ проливъ казался Льву Діакону прямою дорогою, ведшей въ Россію,—проливъ, котораго русскіе, возвращаясь во свояси, миновать не могли. Какимъ путемъ Игорь вернулся въ Кіевъ, мы не знаемъ. Но что Святославъ пустился въ обратный путь не черезъ Керченскій проливъ, достовѣрно извѣстно. Гдѣ и какъ онъ погибъ, не могло, разумѣется, остаться тайною для грековъ; а между тѣмъ Левъ Діаконъ ведетъ его окольною дорогою въ Киммерійскій проливъ и, значить, далѣе въ Азовское море. Но какъ бы то ни было, вѣдь Левъ Діаконъ желалъ лишь указать на направленіе возвратнаго пути Игоря и Святослава, а не на конечную цѣль его. Поэтому, выводять изъ словъ византійскаго историка существованіе на берегахъ Керченскаго пролива какой-то Черноморской Руси (до 965 г.)—весьма опрометчиво.

Равнымъ образомъ нѣтъ возможности при вопросѣ о Черноморской Руси основываться на договорахъ Олега и Игоря. Изъ чего слѣдуетъ, что русскіе жили къ тому времени именно на берегахъ Керченскаго пролива? Поселенія Черныхъ болгаръ, тревожившихъ Корсунскую республику, напрасно помѣщаютъ въ Кубанской области. (Объ этомъ см. ниже).

Остаются еще три легенды. Но тутъ мнѣнія ученыхъ до того расходятся, что можно было бы умолчать о нихъ. Куникъ, не раздѣляющій взглядовъ многихъ другихъ ученыхъ на значеніе этихъ легендъ, подводитъ ихъ подъ категорію, названную имъ (Галиндо, стр. 324) «Различные виды фантастической Руси».

«Что касается до Паннонскаго житія св. Кирилла (говорить тамъ же Куникъ), то къ нему можно отнести совершенно спокойно, даже и въ томъ случаѣ, если ко многимъ, одно другому противорѣчающимъ, предположеніямъ о мнимомъ существованіи «Русина-букаря», упавшаго около 860 года съ неба въ Херсонъ съ русскимъ псалтыремъ въ рукахъ, прибавится еще нѣсколько новыхъ. Изъ хаоса этихъ забавныхъ предположеній прямо видно, что мы имѣемъ дѣло съ такъ-

называемымъ *falsum*... Гораздо строже мы должны смотрѣть на тѣ опыты, которыми стараются доказать, что въ сурожскомъ и амастридскомъ житіяхъ упоминается о походахъ Рѣсовъ до временъ Рюрика». По мнѣнію Куника князь Новгородскій (Сурожская легенда), завоевавшій южное поморье Крыма и принявшій крещеніе, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ только Владимиромъ святымъ, а царица Анна непременно совпадаетъ съ греческою княжною, супругою великаго князя русскаго. Относительно интересующаго насъ въ Амастридской легендѣ мѣста Куникъ полагаетъ, что оно не могло возникнуть раньше 860 года, раньше перваго похода русскихъ на Царьградъ (*ὡς πάντες ἴσασιν*). Если и возможно въ общемъ согласиться съ результатами, добытыми Васильевскимъ въ его Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ (Выпускъ второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. С.-Петербургъ 1893), то все же ни изъ того, ни изъ другого житія нельзя выводить заключенія, будто русскіе уже въ первой половинѣ IX столѣтія утвердили свое господство въ Крыму или Тамани. О житіи св. Стефана Сурожскаго см. мою статью, вышедшую въ прошломъ году въ Византійскомъ Временникѣ.

Послѣ того какъ мы разоблачили непригодность тѣхъ источниковъ, на которыхъ ученые основываютъ свое предположеніе о существованіи Черноморской Руси, обратимся теперь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, доказывающимъ всю ложность принятой гипотезы.

Описаніе сѣверныхъ береговъ Чернаго моря у Константина Багрянороднаго.

Заглавіе 42 главы, р. 177 (ed. Bonn.): γεωγραφία Πατζιναχίας μέχρι τοῦ Χαζαριχοῦ κάστρου Σάρκελ... καὶ μέχρι τῶν Νεκροτύλων τῶν ὄντων εἰς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ, καὶ Χερσῶνος ἑμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων εἰσὶν, εἶτα μέχρι λίμνης Μαιώτιδος τῆς καὶ θαλάσσης διὰ τὸ μέγεθος καλουμένης, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου τοῦ Μάταρχα λεγομένου, πρὸς τούτοις δὲ καὶ Ζιχίας καὶ Παπαγίας καὶ Καζαχίας καὶ Ἀλανίας καὶ Ἀβασγίας, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως. Константинъ начинаеть свое описаніе съ запада и постепенно подвигается на востокъ, слѣдуя береговой линіи.

Въ текстѣ сначала указывается мѣстопребываніе печенѣговъ и даются свѣдѣнія и относительно Саркела, р. 177—179:... ἀπὸ δὲ κά-

τωθεν τῶν μερῶν Δανούβεως ποταμοῦ τῆς Δίστρας (Silistria) ἀντίπερα ἡ Πατζινακία παρέρχεται, καὶ κατακρατεῖ ἡ κατοικία αὐτῶν μέχρι τοῦ Σάρκελ τοῦ τῶν Χαζάρων κάστρου, ἐν ᾧ ταξεῖται καθέζονται τὰ κατὰ χρόνον ἐναλλασσόμενοι. ἐρμηνεύεται δὲ παρὰ αὐτοῖς τὸ Σάρκελ ἄσπρον ὄσπίτιον ὅπερ ἐκτίσθη παρὰ σπαδαροκανιδιάτου Πετρωνᾶ τοῦ ἐπονομαζομένου Καματηροῦ, τὸν βασιλεῖα Θεόφιλον πρὸς τὸ κτισθῆναι αὐτοῖς τὸ κάστρον τοῦτο τῶν Χαζάρων αἰτησαμένων... Πετρωνᾶς τὴν Χερσῶνα καταλαβὼν... λαὸν εἰσαγαγὼν εἰς χαματερά καράβια ἀπῆλθεν ἐν τῷ τόπῳ τοῦ Τανάδος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ τὸ κάστρον ἐμελλε κτίσαι... ἀλλ' αὕτη μὲν ἡ κάστρου Σάρκελ κτίσις καδέστηκεν... По ясному и пространному свидѣтельству Константина Б., Саркель былъ крѣпостью на Дону, сооруженной для кагана греками въ царствованіе Θεοφιλα (829—842) и находившейся около 950 года, когда Константинъ составлялъ свое сочиненіе, во власти хазаръ. Усматривать въ этомъ извѣстіи поддѣлку, относить построение Саркела на начало X вѣка и считать крѣпость Саркель за греческую колонію, это все невозможныя допущенія.

Далѣе гл. 42, р. 179:... ἀπὸ δὲ τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ μέχρι τοῦ προῤῥηθέντος κάστρου τοῦ Σάρκελ ὁδὸς ἐστὶν ἡμερῶν ζ'. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια.

Затѣмъ текстъ гласитъ: μέσον δὲ τῆς τοιαύτης γῆς ποταμοὶ μὲν εἰσι πολλοί, δύο δὲ μέγιστοι ἐξ αὐτῶν, ὁ τε Δάναστρις καὶ ὁ Δάναπρις. εἰσὶ δὲ ἕτεροι ποταμοί, ὁ τε λεγόμενος Συγγούλ καὶ ὁ Ἰβυλ, ὁ Ἄλματαὶ καὶ ὁ Κοῦφικ καὶ ὁ Βογοῦ καὶ ἕτεροι πολλοί... ἡ δὲ Πατζινακία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ λ' ἡμερῶν. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια.

Гл. 38, р. 171. "Ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια. Οὐδὲν ἄλλο εἰσὶν ἐπισημασθέντα ἐκ τῆς ὁδοῦ, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Δούνας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Σιλιστρίας 60 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια, ἢ ὅτι τὸ κάστρον εἶναι ἀπέχον τῆς Κωνσταντινουπόλεως 100 μίλια.

ваются насчетъ означенныхъ рѣкъ. Βαρούχ—Днѣпръ, называвшійся у Иорданиса Var, въ хазарскомъ письмѣ (Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Russlands von C. Röttger, VI. Band, St.-Petersburg 1875, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's um 960 von D. A. Harkavy p. 88) Wagez или Iuzeg (искажено изъ Warug?); Κοβοῦ=Бугъ, у древнихъ также Нуранис; Τροῦλλος=Днѣстръ, по турецки теперь еще Turla, у Константина также Бѣлая рѣка; Βροῦτος (Βουράτ) = Прутъ; Σέρετος (Σαράτ)=Сереть.

Рѣка Δάναπρις является у К. еще подъ третьимъ названіемъ. Гл. 38 р. 169:... τὸ δὲ ἕτερον μέρος (τῶν Τούρκων) εἰς τὸ δυτικὸν κατέφυγε μέρος, ἀμα καὶ τῷ βοεβόδω αὐτῶν καὶ ἀρχηγῷ Λεβεδία εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζομένους Ἀτελκούζου, ἐν οἷς τόποις τὸ νῦν τῶν Πατζινακитῶν ἔθνος κατοικεῖ. Гл. 40 р. 173: ὁ δὲ τόπος, ἐν ᾧ πρότερον οἱ Τούρκοι ὑπῆρχον, ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ Ἐτέλ καὶ Κουζού, ἐν ᾧ ἀρτίως οἱ Πατζινακίται κατοικοῦσιν. Я напираю на то, что τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ поставлено въ единственн. числѣ, значить рѣчь идетъ только объ одной рѣкѣ. Но отчего же эта рѣка имѣеть наименованіе Ἐτέλ καὶ Κουζού? Это объясняется тѣмъ, что имя рѣки, по которому вся область получила названіе Ἀτελκούζου, разбито на двѣ части: Ἐτέλ (=Ἀτέλ) и Κουζού (=Κούζου). Дѣло станетъ яснѣе, если вспомнить, что Ἀτελ, Ἐτέл означаетъ просто «рѣку», такъ что Ἀτελκούζου можетъ имѣть такой смыслъ: «рѣка Κουζου». Неудобно лишь то, что «рѣка Кузу» въ переводѣ на мадьярскій, или на туранскій языкъ должно было бы дать «Кузу Атель», а не наоборотъ. Поэтому вѣроятнѣе, что Ἀτελκούζου искажено изъ Ἀτελ καὶ Κουζου, т. е. Атель или Кузу (Markwart's, Osteuropäische Streifzüge).

Что это за рѣка? Величайшая изъ рѣкъ, протекающихъ землю печенѣговъ, есть Днѣпръ. Если Κουζου стоитъ въ связи съ турецко-татарскимъ наименованіемъ Днѣпра «Uzu», «Ozu», что весьма вѣроятно; если — другими словами — «Uzu» представляетъ только иную форму для Κουζου, то Uzu (Uzsu) не можетъ означать «воду Узовъ», какъ до сихъ поръ полагають; ибо Κουζου, несмотря на то, что Οὔζοι у персовъ и арабовъ называются Гуз-ами, нельзя отождествлять съ Uzsu по той простой причинѣ, что въ эпоху К. Б. Узы кочевали еще у Дона и Волги. Названіе Днѣпра Κουζου повидимому очень древнее и встрѣчается уже у Моисея Хоренскаго въ новой рукописи его Геогра-

Фія (К. Паткановъ, Ж. М. Н. П. Часть 226, 1883, стр. 27) подъ формою «Кочо», напоминающею имя Куцигуровъ (см. форму Куцовлахи). См. 17 статья въ моихъ «Beiträge» (№ 5) и Къ анализу восточныхъ писателей, статья 26.

А что за рѣки Συγγούλ, Ὑβουλ, Ἀλματαί, Κοῦφис, Βογοῦ? Въ тождественности Βογοῦ съ Бугомъ (Κουβοῦ) трудно сомнѣваться. Въ виду того, что Κοῦφис приводится рядомъ съ Βογοῦ, мы должны искать его въ сосѣдствѣ съ Бугомъ. Что этотъ Κοῦφис ничего общаго не имѣетъ съ Кубанью, не подлежитъ сомнѣнію (о Κυφισѣ еще ниже). Что же касается Συγγούλ, то онъ напоминаетъ рѣку Χιγγουλοῦς, въ гл. 38, если не совпадаетъ съ Ингуломъ, притокомъ Буга. Впрочемъ, и къ востоку отъ Днѣпра существовали схожія рѣчныя названія, какъ то: Янчуль, Гайчуль, Юнгуль (Бурачковъ, стр. 220). Во главѣ 38, р. 168, стоитъ: ἐν τούτῳ οὖν τῷ τόπῳ τῷ προῤῥηθέντι Λεβεδία ποταμός ἐστι ῥέων Χιδμάς, ὁ καὶ Χιγγουλοῦς ἐπονομαζόμενος. Лебедія лежала безъ сомнѣнія на востокъ отъ Днѣпра и вѣроятно совпадала съ бассейномъ Дона въ общемъ и Донца въ частности. Поэтому не невозможно, что такъ назывался тогда самъ Донъ или его притокъ Донецъ.

Страна печенѣговъ распадается на восемь областей: четыре изъ нихъ лежали по сю сторону Днѣпра, четыре—по ту сторону (гл. 37, 164—166). Печенѣгія граничитъ (тамъ же) на востокѣ и сѣверѣ (Югѣ?) съ Узіей, Хазаріей, Аланіей, Херсономъ и прочими таврическими землями; на западѣ и сѣверѣ соприкасается съ Болгаріей, Венгріей, Россіей и славянскими областями, покоренными русскими. Въ гл. 42, р. 179 К. Б. варьируетъ ту же мысль: ἡ δὲ Πατζιναχία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ἑρωςίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ τῶν λ' μερῶν. К. знаетъ разстоянія, на которыхъ отстоятъ печенѣги отъ другихъ народовъ, см. гл. 37, 166: ἀπόκισται δὲ ἡ Πατζιναχία ἐκ μὲν Οὐζίας καὶ Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ, ἀπὸ δὲ Μορδίας ὁδὸν ἡμερῶν δέκα, ἀπὸ δὲ Ἑρωςίας ὁδὸν ἡμέρας μιᾶς, ἀπὸ δὲ Τουρκίας ὁδὸν ἡμερῶν τεσσάρων, ἀπὸ δὲ Βουλγαρίας ὁδὸν ἡμέρας ἡμισυ· καὶ εἰς Χερσῶνα μὲν ἐστὶν ἔγγιστα, εἰς δὲ τὴν Βόσπορον πλησιέστερον.

Гл. 42, р. 179: τὸ δὲ τῆς παραλίας τῆς θαλάσσης ἀπὸ τοῦ Δανούβειος ποταμοῦ διάστημα μέχρι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ εἰσὶ μίλια ρκ'. ἀπὸ δὲ τοῦ Δανάστρεως ποταμοῦ μέχρι τοῦ ποταμοῦ Δανάπρεως εἰσὶ μίλια π', ὁ χρυσοῦς λεγόμενος αἰγιαλός. Домыселъ, что первое предложеніе

должно гласить ἀπὸ τοῦ Δανούβειος... μέχρι τοῦ Δανάστρεως (не Δανάπρεως) ποταμοῦ, весьма правдоподобенъ. Итакъ разстояніе отъ Дуная до Днѣстра (не Днѣпра) равняется 120 милямъ, а отъ Днѣстра до Днѣпра=80. Причины, заставляющія меня принять коньектуру Δανάστρις вм. Δάναπρις, заключаются въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Если брать текстъ такъ, какъ онъ гласитъ, то означенныя разстоянія не согласуются между собою. Ибо мы тогда получили бы, что Дунай отстоитъ отъ Днѣпра на 120 миль, а Днѣпръ отъ Днѣстра на 80; слѣдовательно, разстояніе между Дунаемъ и Днѣстромъ равнялось бы 40 милямъ, ибо $80 + 40 = 120$. Такимъ образомъ Днѣпръ отстоялъ бы отъ Днѣстра въ два раза дальше, чѣмъ Днѣстръ отъ Дуная,—что очевидная нелѣпость. Въ то время какъ разстояніе отъ днѣпровскаго лимана (по К. лиманъ образуетъ устье рѣки, принадлежить еще къ системѣ рѣки) до лимана Днѣстра составляетъ дѣйствительно около 80 миль — Днѣстръ отдаленъ отъ Дуная не на 40 миль (миля=1000 шаговъ), а на разстояніе гораздо ббльшее 80 миль, даже если считать до Килійскаго рукава, хотя можно полагать, что К. Б. имѣетъ въ виду рукавъ Сулина (Селина), въ который по этому писателю постоянно входили торговые караваны. Съ другой стороны разстояніе между Дунаемъ и Днѣпромъ (=120 миль) окazyвается слишкомъ малымъ. Ежели же въ упомянутомъ мѣстѣ замѣнить Днѣпръ словомъ «Днѣстръ», то цифры прекрасно согласуются не только между собою, но и съ дѣйствительными разстояніями. Мы получаемъ: отъ Дуная до Днѣстра 120 милій, отъ Днѣстра до Днѣпра 80. Съ такою же опискою мы имѣемъ дѣло въ гл. 37, р. 167.

Гл. 42, р. 179—180:... ἀπὸ τὸ στόμιον ποταμοῦ τοῦ Δανάπρεως εἰσι τὰ Ἄδαρά (коса Тендеръ? Τανδαρά?), καὶ ἐκεῖσε κόλπος ἐστὶ μέγας ὁ λεγόμενος τὰ Νεκρόπυλα, ἐν ᾧ τις διελθεῖν ἀδυνατεῖ παντελῶς. καὶ ἀπὸ μὲν τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέχρι Χερσῶνος εἰσι μίλια τ', ἐν τῷ μέσῳ δὲ λίμναι καὶ λιμένες εἰσὶν, ἐν αἷς Χερσωνῖται τὸ ἄλλας ἐργάζονται. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «большой заливъ Некропила» тождественъ съ Каркинитскимъ заливомъ на западѣ отъ Перекопа. Это подтверждаютъ также слѣд. слова: ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαίωτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπύλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ'. Сомнѣваюсь въ правильности латинскаго перевода: atque ille ipse Maeotidis sinus pertingit e regione Necropyliarum usque; ἀντικρὺ значитъ «прямо насупротивъ». Разстояніе залива отъ Днѣпра

считается въ 4 мили, — изъ чего слѣдуетъ, что этимъ опредѣляется ширина косы, отдѣляющей лиманъ отъ моря.

(Тамъ же): ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσι τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων, τὸ δὲ διάστημα μίλια τ'. Слѣдуетъ предположить, что приводимая длина болѣе или менѣе прямолинейнаго берега отъ Херсона до Боспора отвѣчаетъ дѣйствительности. Поэтому можно эти 300 миль принять за основаніе при сравненіи съ другими означенными разстояніями. Тогда еще болѣе бросается въ глаза необходимость вышеупомянутой поправки текста (Δανάστρεως вм. Δανάπρεως), потому что разстояніе отъ Херсона до Боспора относится къ разстоянію отъ днѣпровскаго лимана до средняго рукава Дуная такъ, какъ 300: 200.

(Тамъ же): καὶ ἀπὸ Βοσπόρου τὸ τῆς Μαιώτιδος λίμνης στόμιόν ἐστιν, ἣτις καὶ θάλασσα διὰ τὸ μέγεθος παρὰ πάντων ὀνομάζεται. εἰς δὲ τὴν αὐτὴν Μαιώτιδα θάλασσαν εἰσρέουσι ποταμοὶ πολλοὶ καὶ μεγάλοι. πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς μέρος ὁ Δάναπρις ποταμὸς, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν. Мнѣ не вполне понятно, какъ это изъ словъ πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς (τῆς Μαιώτιδος λίμνης) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμὸς выводятъ заключеніе, будто Днѣпръ вливается въ Азовское море. Всѣ мѣста, въ которыхъ К. повѣствуетъ о Днѣпрѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ объ этой рѣкѣ имѣлъ лучшія свѣдѣнія, чѣмъ кто либо изъ другихъ древнихъ географовъ. Большая половина нижняго теченія, днѣпровскіе пороги и часть средняго теченія Днѣпра расположены прямо на сѣверъ отъ Азовскаго моря. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать замѣчаніе К. πρὸς τὸ ἀρκτῶον..., а не иначе. Вместе съ тѣмъ рушатся всѣ выводы, дѣлаемые относительно Черной Болгаріи на основаніи этого ложно толкуемаго мѣста. О ἡ μαύρη Βουλγαρία, впрочемъ, рѣчь еще будетъ впереди.

(Тамъ же): ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπόλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', καὶ μίσγεται, ἐν ᾧ καὶ σοῦδα οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τῆς Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἅ μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν: ἐκ δὲ τῶν πολλῶν ἐτῶν κατεχώσθη ἡ αὐτὴ σοῦδα καὶ εἰς δάσος ἐγένετο πολὺ. καὶ οὐκ εἰσὶν ἐν αὐτῷ πλήν δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζινακίται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ Κλίματα.

Уже выше говорено было о Некропула. И въ позднѣйшіе вѣка это обозначеніе было въ ходу; ср. Golfo di Nigropoli италянскихъ картъ.

Итакъ, Каркинитскій заливъ въ Средніе вѣка выступаетъ подъ именемъ Νεχροπιλα (Nigropolis). Это наименованіе встрѣчается еще у другого византийскаго писателя Теофана (Theophanes, ed. de Boor p. 373), который, по поводу пути Юстиніана II во время его бѣгства изъ Крыма, замѣчаетъ совершенно правильно, что Некторула находится между Херсономъ и Дунаемъ. Въ другомъ мѣстѣ, правда, очень запутанномъ Теофанъ повидимому утверждаетъ, что Несгорула лежитъ у Керченскаго пролива (p. 356—357): «Гунноболгары и Котраги жили сначала за Понтомъ Эвксинскимъ и озеромъ Меотійскимъ. Въ послѣднее впадаютъ: большая рѣка Атель, текущая отъ океана черезъ всю землю сарматовъ, и рѣка Танаисъ, идущая съ Кавказскихъ горъ; изъ соединенія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, изливающийся въ Понтъ близъ Некропилъ у мыса, называемаго «бараньей мордою», тамъ, гдѣ Меотійское озеро впадаетъ въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагоріей. Между этимъ моремъ и рѣкою Куфисъ простирается древняя или великая Болгарія, иначе земля Котраговъ, соплеменниковъ болгаръ». Сбивчивыя извѣстія свои Теофанъ заимствовалъ у древнихъ писателей, которыхъ онъ зря выписываетъ. Такъ, Теофанъ въ одномъ мѣстѣ сообщаетъ, что Батбай, одинъ изъ сыновей Куврата, до сего дня платитъ дань казарамъ. Если бы мы отнесли выраженіе «до сего дня» къ эпохѣ Теофана (первая половина IX столѣтія), то Батбаю было бы отъ роду лѣтъ полтора.

Компиляторъ очевидно не понялъ своихъ источниковъ. По нему Атель (Волга) впадаетъ въ Меотійское озеро. Здѣсь Волга смѣшивается съ Дономъ. Впрочемъ, «Атель» значитъ «рѣка» и потому можетъ указывать любую рѣку. А кромѣ того, Донъ нерѣдко разсматривается, какъ рукавъ Волги. Атель, сказано, протекаетъ черезъ всю Сарматію. Донъ отдѣлялъ, по мнѣнію древнихъ, европейскую Сарматію отъ азіатской, и протекалъ, слѣдовательно, по срединѣ Сарматіи, между тѣмъ какъ Волга составляла восточную окраину азіатской Сарматіи. По древнимъ географамъ Волга сливается съ Дономъ; Кубань называется также Гипанисомъ и Танаисомъ; Кубань беретъ свое начало на Кавказѣ; Куфисъ приводится у К. Б. рядомъ съ Бугомъ, Куфисъ напоминаетъ собою Гипанисъ и Кубань. Отсюда, видно, произошла вся путаница.

Больше всего занимаетъ меня рѣка Куфисъ. О ней говорится у Теофана, что она изливается въ Черное море недалеко отъ Некропилъ. Это мѣсто живо напоминаетъ мнѣ мѣсто у К. Б. о Днѣпрѣ,

отстоящемъ отъ Некропилъ, по К., на четыре мили. Въ промежуткѣ между Дунаемъ и Саркеломъ находится, по К., также рѣка Куфисъ, приводимая возлѣ Βουβοῦ. Итакъ, Θεοφάνη смѣшалъ, сдается мнѣ, Куфисъ, который слѣдуетъ помѣстить на западъ отъ Перекопа по сосѣдству съ Бугомъ, съ Кубанью. Не могу отказать отъ предположенія, что Куфисъ, можетъ быть, есть непонятное К. Β., новое обозначеніе Днѣпра, въ случаѣ если Куфисъ не есть иное наименованіе Буга, прозваннаго у К. Β. также Κουβοῦ. Какъ бы то ни было, показаніе Θεοφάνη, что Куфисъ вблизи Некропилъ изливается въ Понтъ, указываетъ на мѣстность, гдѣ слѣдуетъ искать эту рѣку. Взглянемъ съ этой точки зрѣнія еще разъ на поселенія Гунноболгаръ и Котраговъ.

«Гунноболгары жили сначала за Понтомъ Эвксинскимъ и озеромъ Меотійскимъ». Если мы безъ предвзятой мысли отнесемъ къ этимъ даннымъ, то мы должны отвести мѣстожителство Гунноболгарамъ и Котрагамъ въ степяхъ припонтійскихъ и приазовскихъ. Если же, какъ обыкновенно полагаютъ, здѣсь намѣчена лишь область между Азовскимъ моремъ и рѣкою Кубанью, то авторъ безъ сомнѣнія выразился бы иначе, приблизительно такъ: «за Кавказскими горами и озеромъ Меотидою», ибо степная область, прилегающая къ Кубани, только у устьевъ рѣки доходитъ до Чернаго моря. Но если говорится «за Понтомъ Эвксинскимъ», то мы принуждены имѣть въ виду земли, расположенныя къ сѣверу отъ Чернаго моря и находившіяся съ конца IV столѣтія во владѣніи Гунноболгаръ. Далѣе Θεοφάνη точнѣе обозначаетъ область, въ которой кочевали Кутригуры: «отъ Меотиды до рѣки Куфисъ». По Θεοφάνη рѣку Куфисъ можно отождествлять либо съ Днѣпромъ, либо съ Бугомъ, такъ какъ по Θεοφάνη рѣка Куфисъ впадаетъ въ Понтъ вблизи Некропилъ, находящихся на западъ отъ Крыма, или же рѣка Куфисъ совпадаетъ съ Кубанью, ибо Некропиламъ отводится у Θεοφάνη также мѣсто возлѣ впаденія истока Меотиды въ Черное море. Поэтому можно помѣщать древнюю или великую Болгарію Θεοφάνη какъ на западъ, такъ и востокъ отъ Азовскаго моря. Но если Куфисъ Θεοφάνη, изливающійся въ Понтъ недалеко отъ Некропилъ, совпадаетъ съ Куфисомъ К. Β., изливающимся также въ Черное море вблизи Некропилъ, то подъ великою Болгарією слѣдуетъ разумѣть земли отъ Азовскаго моря до Днѣпра приблизительно.

Прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ слѣдующая замѣтка Θεοφάνη: «Древняя или Великая Болгарія, называемая иначе

землею Котраговъ, соплеменниковъ болгаръ». Въ этихъ словахъ заключается намекъ не на первоначальное общее мѣстожителство всѣхъ болгаръ, когда они еще составляли единый народъ на Кубани (по преданію), а намекъ на область одного изъ болгарскихъ племенъ, именно на область Кутригуровъ, кочевавшихъ западнѣ Утригуровъ, т. е. послѣ распадѣнія болгарскаго народа на отдѣльныя орды. Если вспомнить, что Теофанъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ второй половины VII вѣка, когда Кутригуры уже перебрались черезъ Донъ и усѣлись въ мѣстахъ на западъ отъ этой рѣки, то нельзя не убѣдиться въ томъ, что великая или древняя Болгарія Теофана (земля Котраговъ, Кутригуровъ) совпадаетъ съ степнымъ пространствомъ отъ Дона до Днѣпра приблизительно. Болгарія, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Хасдая, лучше всего подходитъ къ этой области. Подобно другимъ изслѣдователямъ я прежде подъ Болгарією въ письмѣ Хасдая (Ibrâhim-ibn-Jakûbs Reisebericht über die Slawenlande, въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ, Томъ III. № 4, 1898, стр. 134—136) разумѣлъ Кубанскую область, такъ какъ въ то время еще не успѣлъ углубиться въ вопросъ о Черной Болгаріи. «Булгаръ» Хасдая, расположенный между Русью и Хазарією, приходится на пространство между Дономъ и Днѣпромъ. Только такимъ образомъ мы получаемъ непрерывный путь отъ Германіи черезъ Богемію (съ Моравією), Венгрію, Россію, Болгарію до Хазаріи. Что царь гебалимовъ тождественъ съ чешскимъ княземъ Болеславомъ, доказано мною въ упомянутомъ сочиненіи Ibrâhim-ibn-Jakûbs Reisebericht.

Обращаемся теперь къ ἡ μαύρη Βουλγαρία Константина Β.

πρὸς τὸ ἀρκτῶν αὐτῆς (τῆς-Μαιώτιδος) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν. Русскіе, которые по гл. 42 живутъ εἰς τὰ ὑψηλότερα τοῦ Δανάπριος ποταμοῦ μέρη, идутъ отъ (изъ) рѣки Днѣпра въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Такая дорога напоминаетъ собою маршрутъ у Хасдая: Русь, Болгарія, Хазарія. Поэтому здѣсь примѣнимо то же самое толкованіе, а именно, что ἡ μαύρη Βουλγαρία приходится между южной Россіей и Хазаріей. Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ... καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται... я понимаю такъ, что русскіе, спустившись по Днѣпру до порожистой части его, выходятъ на берегъ и далѣе идутъ степью въ Черную Болгарію и Хазарію. Если же предполагать, что русскіе спускаются по рѣкѣ до самаго устья, отсюда выплываютъ въ Черное море и морскимъ путемъ пробираются въ Болгарію, — то не

хватаетъ нѣсколькихъ звеньевъ въ маршрутѣ у К. Б.: а именно Черное море, Херсонъ, Климаты, Боспоръ и еще по крайней мѣрѣ устье Меотиды. Что же касается Συρία, то это общеизвѣстная Сирія, обнимавшая въ болѣе широкомъ смыслѣ слова всю Месопотамію съ главнымъ городомъ Багдадомъ. Изъ Ибн-Хордадбе мы знаемъ, что русскіе уже въ IX вѣкѣ доходили со своими торговыми караванами до Багдада. Поэтому нѣтъ нужды выдавать Συρία за искаженную Ζιχία (Зихія). Въ послѣднемъ случаѣ это слово должно было бы стоять на первомъ мѣстѣ, ибо купцы, плывущіе Чернымъ моремъ, сначала приставали бы къ Зихіи, граничащей съ нимъ. Что же касается арабскихъ источниковъ относительно (Черныхъ) Болгаръ, арабскихъ источниковъ съ ихъ искаженными отрывочными показаніями, то мы безспорно поступимъ весьма разумно, если не обратимъ на нихъ никакого вниманія, такъ какъ они въ высшей степени нуждаются въ предварительной критической обработкѣ, безъ которой они совершенно непригодны. Мимоходомъ замѣчаю, что Равенскій географъ не знаетъ Болгаріи на Кубани.

Прослѣдимъ дальше описаніе припонтійскаго побережья у К. Б. Мы остановились на Перекопскомъ перешейкѣ: *ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαϊώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπόλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', καὶ μίσηται, ἐν ᾧ καὶ σοῦδαν οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν.* Меотійское озеро сближается съ Некровильскимъ заливомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда можно было проплыть прорытый древними каналъ. Крымъ является у К. Б. подъ названіемъ «Херсона, Климатовъ и Боспора», такъ что и въ настоящемъ случаѣ мы вправѣ замѣнить *τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν* словомъ «Таврическій полуостровъ». *ἀποκλείσαντες* имѣетъ тотъ смыслъ, что проведеннымъ рвомъ Крымъ былъ отрѣзанъ отъ материка; *μέσον* указываетъ на положеніе перешейка, приходящагося дѣйствительно на середину сѣвернаго побережья полуострова. *Κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν* означаетъ, что Крымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится перешеекъ, имѣетъ въ ширину одну или нѣсколько миль. Латинскій переводчикъ превратно понялъ эту фразу: *veteres mare traiciebant ducta fossa per mediam Chersonem, regiones et Bospori terram, quae mille aut amplius miliaria occupabat.* Судя по его переводу, послѣднее предложеніе *κρατοῦσαν μέχρι*

ἀ' μιλίων ἢ καὶ πλείονων τινῶν ὀφισίτєς τὸλκὸ κῶ τὴν Βοσπόρου γῆν, а μέσον τὸλκὸ κῶ τὴν Χερσῶνος γῆν.

Далѣ говорится въ гл. 42, р. 180—182: εἰς δὲ τὸ ἀνατολικώ-τερον μέρος τῆς Μαιώτιδος λίμνης εἰσέρχονται πολλοὶ τινες ποταμοί, ὅτε Τάναϊς ποταμός, ὁ ἀπὸ τὸ κάστρον Σάρκελ ἐρχόμενος. Изъ этихъ словъ видно, что Саркель не лежалъ при устьѣ Дона, а далѣ вверху по рѣкѣ, но въ какомъ именно мѣстѣ, рѣшить трудно. Затѣмъ: καὶ τὸ Χωράκουλ, ἐν ᾧ καὶ τὸ βερζῆτικὸν ἀλιέυεται· εἰσὶ δὲ καὶ ἕτεροι ποταμοί, ὁ Βάλ καὶ ὁ Βουρλίχ, ὁ Χαδῆρ καὶ ἄλλοι πλείστοι ποταμοί. Нѣкоторые изъ этихъ рѣкъ безъ сомнѣнія рукава Кубани. . . ἐκ δὲ τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἐξέρχεται στόμιον τὸ Βουρλίχ ἐπονομαζόμενον, καὶ πρὸς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν καταρεῖ, ἐν ᾧ ἐστὶν ὁ Βόσπορος. ἀντικρὺ δὲ τῆς Βοσπόρου τὸ Ταμάταρχα λεγόμενον κάστρον ἐστὶ· τὸ δὲ διάστημα τοῦ περάματος τοῦ τοιοῦτου στομίου εἰσὶ μίλια ιη'. ἐν δὲ τῶ μέσῳ τῶν αὐτῶν ιη' μιλίων ἐστὶ νησίον μέγα χαμηλὸν τὸ λεγόμενον Ἀτέχ. ἀπὸ τὸ Ταμάταρχά ἐστὶ ποταμός ἀπὸ μιλίων ιη' ἢ καὶ κ', λεγόμενος Οὐκρούχ, ὁ διαχωρίζων τὴν Ζιχίαν καὶ τὸ Ταμάταρχα. ἀπὸ δὲ τοῦ Οὐκρούχ μέχρι τοῦ Νικόφειος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ κάστρον ἐστὶ ὀμώνυμον τῷ ποταμῷ, ἐστὶν ἡ χώρα ἡ τῆς Ζιχίας. τὸ δὲ διάστημα ἐστὶ μίλια τ'. ἀνωθεν τῆς Ζιχίας ἐστὶν ἡ χώρα ἡ λεγομένη Παπαγία, καὶ ἀνωθεν τῆς Παπαγίας χώρας ἐστὶ ἡ χώρα ἡ λεγομένη Κασαχία· ἀνωθεν δὲ τῆς Κασαχίας ὄρη τὰ Καυκάσια εἰσιν, καὶ τῶν ὀρέων ἀνωθεν ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Ἀλανίας. (Южный рукавъ Кубани) Укрухъ, изливающийся въ море на разстояніи 18 или 20 миль отъ Таматархи, отдѣляетъ Таматарху отъ Зихіи, простирающейся на 300 милій до города Никопса. За Зихіей лежитъ Папагія, за Папагіей — Касахія, потомъ слѣдуютъ Кавказскія горы, наконецъ за ними — Аланія. Итакъ, К. Б. помѣщаетъ жилища Аланъ въ бассейнѣ рѣки Кубани. У К. Б. нѣтъ и слѣда болгаръ въ названныхъ мѣстностяхъ, причемъ я особенно налегаю на то обстоятельство, что свѣдѣнія его относительно этихъ странъ довольно подробны.

Далѣ: ἡ δὲ τῆς Ζιχίας παράλιος ἔχει νησία, τὸ μέγα νησίον καὶ τὰ τρία νησία· ἐνδοθεν δὲ τούτων εἰσὶ καὶ ἕτερα νησία τὰ ἐπινοηθέντα καὶ παρὰ τῶν Ζιχῶν χτισθέντα, τὸ τε Τουργανῆρχ καὶ τὸ Τζαρβαγάνи καὶ ἕτερον νησίον, καὶ εἰς τὸν τοῦ ποταμοῦ λιμένα ἕτερον νησίον, καὶ εἰς τὰς Πτελέας ἕτερον, ἐν ᾧ ἐν ταῖς τῶν Ἀλανῶν ἐπιδρομαῖς οἱ Ζιχοὶ καταφεύγουσι. Названные острова образуютъ дельту Кубани. Аланы дѣлаютъ набѣги на Зиховъ, спасающихся на этихъ островахъ. Здѣсь также нѣтъ и помину о болгарахъ.

τὸ δὲ παραθαλάσσιον ἀπὸ τῆς συμπληρώσεως τῆς Ζιχίας ἦτοι Νικόψεως ποταμοῦ ἐστὶν ἡ τῆς Ἀβασγίας χώρα, μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως· εἰσὶ δὲ μίλια τ'.

Гл. 53, р. 268 и 269 тоже содержатъ извѣстія, выказывающія географическія познанія К. Б. касательно Кавказскаго поморья. Ἰστέον ὅτι ἔξω τοῦ κάστρου Ταμάταρχα πολλαὶ πηγαὶ ὑπάρχουσιν ἄφθαν ἀναδιδούσαι.... Ἰστέον ὅτι ἐν Ζηχίᾳ πρὸς τὸν τόπον τῆς Πάγης τῆς οὔσης πρὸς τὸ μέρος τῆς Παπαγίας, ἐν ᾧ κατοικοῦσι Ζηχοί, ἐννέα πηγαὶ εἰσὶν ἄφθαν ἀναδιδούσαι и пр.

Изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что Аланія граничить съ Таматархіей, Зихіей и Касахіей, которыя отдѣляли ее отъ Чернаго моря, такъ что Аланія, подчеркиваю, по К. Б. не соприкасалась съ Понтомъ, а была расположена къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ. По этой причинѣ я не допускаю, чтобы власть Аланъ простиралась и на восточную часть Таврическаго полуострова. Какіе народы были сосѣдями Аланъ на сѣверѣ и на востокѣ?

Гл. 36, р. 166: ἀπόκισται δὲ ἡ Πατζιναχία ἐκ μὲν Οὐζίας καὶ Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ. . . . На разстояніи шестидневнаго пути находились жилища печенѣговъ.

Гл. 10, р. 80: Ὅτι οἱ Οὐζοὶ δύνανται πολεμεῖν τοὺς Χαζάρους ὡς αὐτοῖς πλησιάζοντες. ὁμοίως καὶ ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας, ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, καὶ δύναται ὁ Ἀλανός, εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἐνδειαν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν· ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα κλιμάτων τούτων ἡ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν. Съ Аланією на востокѣ соприкасается страна хазаръ девятью областями. Пограничная линія между этими землями видимо имѣла значительное протяженіе.

Гл. 11, р. 80: Ὅτι τοῦ ἐξουσιοκράτορος Ἀλανίας μετὰ τῶν Χαζάρων μὴ εἰρηνεύοντος, ἀλλὰ μᾶλλον προτιμωτέραν τιθεμένου τὴν φιλίαν τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, ἐὰν οἱ Χαζάροι οὐ βούλωνται τὴν πρὸς τὸν βασιλέα φιλίαν καὶ εἰρήνην τηρεῖν, δύναται μεγάλως αὐτοὺς κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδὴν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτούς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλίματα. φοβούμενοι γὰρ οἱ Χαζάροι τὴν τῶν Ἀλανῶν ἐπίθεσιν, καὶ μὴ εὐρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλίμασιν ὡς μὴ πρὸς ἀμφοτέρους ἐν ταύτῳ πολεμεῖν ἐξισχύοντες, εἰρηνεῦειν ἀναγκασθήσονται. Если Аланы могли

преградить дорогу въ Тавриду и Саркель хазарамъ, то ихъ страна имѣла значительный объемъ и простиралась довольно далеко на сѣверъ до Азовскаго моря и до низовьевъ Дона.

Успенскій (Отчетъ 253): «Зачѣмъ же хазарамъ ходить войной въ Саркель, если это ихъ городъ; а если они тамъ господствовали, то какъ аланы могли преградить имъ туда дорогу?» Въ греческомъ текстѣ не сказано, что хазары ходятъ войною въ Саркель, какъ полагаетъ Успенскій, а говорится, что владѣтель Аланіи можетъ имъ сдѣлать много зла, устраивая засады по дорогамъ и неожиданно нападая на нихъ въ то время, когда они направляются къ Саркелу, Климатамъ и Херсону. Глаголь *διέρχουμαι* съ предлогомъ *πρός* не включаетъ въ себѣ понятія о враждебномъ дѣйствиіи, а значитъ дословно «проходить по направленію къ чему либо», такъ что нѣтъ никакой нужды думать здѣсь о нападении на Саркель. Переводъ Ласкина этого мѣста неправиленъ, по крайней мѣрѣ, сбивчивъ: «Когда они двигаются на Саркель, Климаты и Херсонъ», и нѣтъ противорѣчія съ 42 гл., какъ полагаетъ переводчикъ Константина Б. въ примѣч. 316. Въ главѣ 42 Ласкинъ совершенно вѣрно передаетъ то же выраженіе *διέρχουμαι* *πρός*: «(двѣ дороги), по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты». Если бы здѣсь перевести: «двигаются на Херсонъ, Боспоръ и Климаты», то получилось бы въ свою очередь нѣкоторое противорѣчье съ 6 гл., въ которой говорится о мирныхъ сношеніяхъ печенѣговъ съ херсонитами. Крѣпость Саркель лежала не въ центрѣ хазарской земли, а на окраинѣ ея, и потому аланскіе наѣзники, жившіе южнѣе Дона, имѣли возможность преградить хазарамъ въ степи дорогу изъ Итиля, лежавшаго въ низовьяхъ Волги, въ Саркель на Дону. Ниже Константинъ Б. употребляетъ глаголь *ἐπιτίθεσθαι* «нападать» и потому естественно приводитъ въ этомъ мѣстѣ только Херсонъ и Климаты и опускаетъ Саркель.

Резюмирую сказанное: по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Аланія граничитъ на западѣ съ Азовскимъ моремъ, Таматархой, Зихіей и Касахіей, примыкаетъ на востокъ всей своей шириной къ Хазаріи и находится на сѣверѣ въ сосѣдствѣ съ Печенѣгіей. Слѣдовательно, *ἡ μαύρη Βουλγαρία* Константина Б. не имѣетъ мѣста въ бассейнѣ Кубани. Равнымъ образомъ отвѣтное письмо хазарскаго царя Іосифа, приводящее много племенъ сѣверо-западнаго Кавказа, хранитъ полное молчаніе относительно болгаръ. Русская лѣтопись знаетъ здѣсь ясовъ, касоговъ и хазаръ, но не го-

ворить о болгаряхъ. Во II вѣкѣ Таманскіе хазары упоминаются два раза: подъ годами 1023 и 1083. По всему видно, что болгарь здѣсь болѣе не существовало. Итакъ, Черную Болгарію, приводимую также въ гл. 21 (р. 81) какъ смежную съ Хазарією страну: *περί τῆς μαύρης Βουλγαρίας καὶ Χαζαρίας* (заглавіе). *ὅτι καὶ ἡ μαύρη λεγομένη Βουλγαρία δύναται τοῖς Χαζάροις πολεμεῖν*, — слѣдуетъ искать въ иныхъ мѣстахъ.

Взглянемъ еще разъ на 11 гл. и именно на слѣдующее показаніе: . . . *ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. . . μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλίματα. . .* Въ послѣднемъ мѣстѣ Саркель не могъ быть повторенъ, такъ какъ онъ принадлежалъ хазарамъ. Насъ поражаетъ отсутствіе Боспора въ обоихъ предложеніяхъ, хотя заглавіе 11 гл. гласитъ: *περί τοῦ κάστρου Χερσῶνος, καὶ τοῦ κάστρου Βοσπόρου*. Изъ этого я вывожу, что Боспоръ былъ хазарскимъ владѣніемъ, а упоминаніе Херсона и Климатовъ говорило въ пользу того, что они принадлежали грекамъ. Насчетъ Херсона нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ сочиненіи К. Б. de thematibus Херсонъ значится 12 оеюю государства. Но какого рода была зависимость Климатовъ отъ Византіи, опредѣлить крайне трудно. Политическія отношенія на Таврическомъ полуостровѣ весьма запутаны и мало извѣстны. Если вѣрить хазарскому письму, то всѣ или почти всѣ города на южномъ поморьѣ Крима платили дань хазарамъ. Если слѣдовать русской лѣтописи, то уже великій князь Игорь старался стать твердою ногою на полуостровѣ и велъ здѣсь войны. Понятно, что южное побережье Крима колебалось подъ давленіемъ трехъ влiяній: съ юго-запада Византіи, Хазаріи съ востока и Россіи съ сѣвера. Что касается Россіи, то я налегаю на то обстоятельство, что до 965 года нѣтъ и помина о Руси на берегахъ Керченскаго пролива, несмотря на возникшую во второй половинѣ XIX вѣка среди историковъ легенду о такъ называемой Черноморской Руси. Ни одинъ изъ современныхъ источниковъ (Константинъ Б., Иосифъ, Масуди и остальные восточные писатели) ровно ничего не знаютъ о Руси на Киммерійскомъ проливѣ до 965 года. Въ предыдущемъ изслѣдованіи разсматривались свидѣтельства, побудившія ученыхъ создать мнѣ о вольной Черноморской Руси не только до 965 года, но даже задолго до передвиженія русскихъ въ бассейнъ Днѣпра. Здѣсь же еще разъ коснемся договоровъ русскихъ князей съ греками отъ 944 и 972 годовъ.

Изъ таврическихъ городовъ, принадлежавшихъ по Іосифу хазарамъ, упоминаются: Кершъ, Сугдай, Алушъ, Ламбать, Бартнитъ, Алубика, Куть, Манкупъ, Будакъ, Алма и Грусинъ. Нѣкоторые названія къ сожалѣнію искажены, такъ что мы не знаемъ, причислялъ ли Іосифъ Херсонъ также къ своей державѣ. Въ Грусинѣ Гаркави желаетъ видѣть Гурзуфъ, а по моему мнѣнію въ немъ, быть можетъ, кроется Херсонъ.

Въ договорѣ 944 года особенное значеніе для нашихъ цѣлей имѣютъ два мѣста: относительно обязательства русскихъ удерживать Черныхъ болгаръ отъ грабежей въ Херсонской области и относительно обѣщанія Корсунянъ оказывать помощь русскимъ въ ихъ войнахъ (съ хазарами, печенѣгами?). Что же касается той части договора, гдѣ сказано, что Игорь не долженъ присвоивать себѣ власть надъ Херсономъ и тамошними городами, то подъ послѣдними, очевидно, разумѣются крѣпостцы, расположенныя въ Херсонской странѣ (*τὰ κάστρα τῆς Χερσῶνος*). Черные болгары въ договорѣ 944 г. совпадаютъ съ жителями Черной Болгаріи К. Б. Они жили или къ сѣверу отъ Крыма, или въ Крыму. Требованіе, чтобы великій князь «не пускалъ» болгаръ «пакостить» Корсуню, можетъ быть понято такъ, что либо проходы въ область Херсонскую находились во владѣніи русскихъ, либо верховная власть надъ болгарами принадлежала Игорю. Въ договорѣ 972 г. Святославъ тоже обязывается не тревожить Херсонитовъ; о Черныхъ же болгарахъ тамъ болѣе нѣтъ рѣчи.

Изъ обоихъ договоровъ явствуетъ, что русскіе великіе князья на пространствѣ времени отъ 944 до 972 г. сильно тѣснили Херсонъ. Но если судить по К. Б. (ок. 950) и по Іосифу (ок. 960), то они въ эту эпоху не владѣли ни южнымъ поморьемъ Крыма, ни Таманскимъ полуостровомъ. Лишь въ 965 году Святославъ, завоевавъ Саркель, проникъ до Кавказа. Этотъ знаменательный походъ русскихъ въ столь отдаленныя страны находится вѣроятно въ связи съ неизвѣстными намъ переворотами, происходившими на Крымскомъ полуостровѣ. Начиная съ этого времени, особенно же 969 года, когда норманская вольница опустошила Игиль и Семендеръ, царство хазаръ пришло въ упадокъ и ихъ вліяніе на дѣла Таврическаго полуострова ослабло. Въ 989 году Владимиръ Великій завоевываетъ Херсонъ, главный оплотъ грековъ въ Крыму. По принятіи Владимиромъ крещенія и вступленія въ бракъ съ греческой княжной, Херсонъ былъ уступленъ византійскимъ императорамъ. Въ 1016 году хазары утратили свои послѣднія

владѣнія въ Крыму, благодаря совокупнымъ усиліямъ грековъ и русскихъ.

Надѣюсь, что мнѣ удалось доказать всю призрачность гипотезы о Черноморской Руси. Расчистивъ почву для правильнаго уразумѣнія «варваровъ», возвращаюсь къ своему комментарию на Записку Готскаго Топарха.

Кто такіе были варвары?

Протекторъ, котораго избираютъ себѣ члены народнаго собранія, очевидно, не тождественъ съ главою варваровъ, которые, по свидѣтельству топарха, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ всѣхъ избивали и послѣ неудавшагося приступа позорно бѣжали. Изъ опасенія, чтобы непріятель не появился снова съ бѣльшимъ войскомъ, комендантъ Климатовъ принимаетъ различныя мѣры: наставляетъ своихъ людей въ военныхъ упражненіяхъ, воздвигаетъ старыя стѣны города, собираетъ знатнѣйшихъ изъ окрестныхъ жителей на совѣщаніе. Во всѣхъ дѣйствіяхъ топарха проглядываетъ твердое рѣшеніе вести войну дальше, а не желаніе заключить мировую съ врагомъ. На сходкѣ дѣло идетъ не о полюбовномъ союзѣ съ неумолимыми варварами, а о выборѣ сильнаго покровителя, который бы смогъ ихъ охранить отъ непріятельскихъ покушеній. Не понимаю, какъ можно предположить, чтобы жители возымѣли намѣреніе броситься въ объятія тѣхъ самыхъ варваровъ, которые не давали пощады даже лучшимъ своимъ союзникамъ и только что передъ Климатами потерпѣли поражение. Могли ли жители, въ виду свирѣпствованія варваровъ, надѣяться достигнуть сносныхъ условій мира, не говоря уже объ автономіи, къ которой они такъ страстно стремились, и достигнуть отъ тѣхъ самыхъ варваровъ, которые въ слѣпной ярости все уничтожали и съ которыми, по показанію топарха, тщетно велись переговоры до начала войны. «Лучшіе люди», явившіеся на зовъ топарха, благоволили къ «намъ», не къ варварамъ. Они соединились съ жителями Климатовъ для общаго дѣла, направленнаго, очевидно, не столько противъ Византіи, сколько именно противъ опасныхъ варваровъ. Если бы варвары были русскими, то какъ себѣ объяснить столь лестный для топарха пріемъ у русскаго великаго князя, быстрое окончаніе дѣла и выгодныя условія договора? Нигдѣ въ текстѣ не замѣчается ни малѣйшаго намека на то, чтобы варвары были тождественны съ подданными русскаго князя; напротивъ, все говоритъ въ пользу того предположенія, что

это были два совершенно отличныхъ другъ отъ друга народа. Кто приступаетъ къ изученію нашего источника безъ предвзятыхъ идей, не можетъ не видѣть этого. Ср. разсужденіе Куника (Записка Готск. Топ. 69/70):

«Всѣ доселѣ принимавшіяся за разъясненіе записки въ варварахъ, такъ страшно опустошавшихъ Крымъ, отыскиваютъ непременно русскихъ Славянъ или норманскихъ Рѳсовъ. Между тѣмъ, ни одно слово, ни одно мѣсто въ греческомъ подлинникѣ не подаетъ повода къ такому предположенію. Еслибъ приведенное мнѣніе было справедливо, то пришлось бы допустить, что русскія владѣнія уже и въ то время простирались почти на весь Крымъ, ибо въ запискѣ исчисляются всевозможные оттѣнки политической зависимости, въ которой находились къ варварамъ разныя части Крыма до его разоренія. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о какой-нибудь норманской вольницѣ, которая опустошала бы Крымъ за собственный счетъ... Буквальный смыслъ греческаго текста записки отнюдь не допускаетъ подобнаго предположенія».

Если фрагменты относятся къ IX вѣку или къ первой бѣльшей половинѣ X вѣка, то варвары не могутъ не совпасть съ хазарами. Вполнѣ присоединяюсь къ аргументаціи Куника (тамъ же стр. 82):

«Невозможно предполагать, чтобы варвары, которые такъ страшно опустошали Крымъ, занимали какой нибудь небольшой уголокъ поморья; напротивъ они должны были, по показанію топарха, быть собственно владыками всего Крыма въ политическомъ отношеніи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ полосокъ побережья, состоявшихъ подъ мало вліятельнымъ протекторатомъ Византіи. Народъ же, успѣвшій распространить свою власть на весь почти Крымъ, конечно не можетъ быть какимъ нибудь вовсе намъ неизвѣстнымъ народцемъ».

Характеристика варваровъ, какую даетъ топархъ, ихъ гуманность и справедливость, — качества, которыми они раньше отличались, не подходитъ ни къ дикимъ печенѣгамъ, ни къ разбойничьему племени Черныхъ болгаръ, но указываютъ безспорно на могущественное цвѣтущее хазарское царство. Не безъ основанія Masudi называетъ хазаръ народомъ осѣдлымъ въ *«le livre de l'avertissement et de la revision»*. Изъ письма хазарскаго царя также легко усмотрѣть, что не всѣ хазары вели кочевой образъ жизни. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ составъ хазарскаго царства входило множество разнородныхъ племенъ. Сравни мнѣніе Томашека (35): «Куникъ думаетъ

о хазарахъ, которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ принадлежала верховная власть надъ Крымомъ и Климатами, которые тогда, быть можетъ, дѣлали послѣднія усилія, чтобы отстоять свои права на готическія Климаты... въ пользу ихъ (болѣе цивилизованныхъ хазаръ) свидѣтельствуешь снова то обстоятельство, что рѣчь идетъ о прежнихъ договорахъ и притязаніяхъ, которымъ таврическія племена и народцы подчинились безпрекословно».

Въ началѣ VIII столѣтія Херсониты видали въ своихъ стѣнахъ хазарскаго коменданта или тудуна и даже свободолюбивые готы должны были признать надъ собою верховную власть кагана (около 795 г.). Хазары рано вступили въ мирныя сношенія съ Византіей. Левъ VI (775—780) получилъ прозвище «хазарина» по матери своей, бывшей дочерью хазарскаго царя. Кличкою «chazarogrosopos» (хазарское лицо) Михаилъ III намекалъ на хазарское происхожденіе патріарха Фотія. Хазары были и въ императорской гвардіи. Около 835 года греческіе инженеры, по просьбѣ кагана, построили крѣпость Саркель на Дону. Во времена св. Константина хазары еще сосѣдили съ Корсунью (*Legenda italica*), откуда они около середины X вѣка вытѣснены были печенѣгами. По Константину Багрянородному Аланы могли по своему желанію воспрепятствовать хазарамъ дѣлать набѣги на Херсонъ и Климаты. (Куникъ на стр. 84 въ своемъ сочин. о Запискѣ Г. Т. прибавляетъ ошибочно «Керчь». Оупущеніе Боспора въ этомъ мѣстѣ у К. Б. указываетъ на то, что эта область тогда принадлежала хазарамъ). Итакъ, около середины X столѣтія хазары еще дѣлали вторженія въ страну Климатовъ и Херсона. «Никакъ нельзя однако исторически доказать, чтобы господство Хазаръ надъ крымскими городами и народами удержалось, въ прежнемъ своемъ объемѣ, до того времени, къ которому Газе относитъ происхожденіе упомянутыхъ отрывковъ, т. е. до начала XI-го вѣка» (Куникъ).

Три сильныхъ державы препирались между собою изъ-за вліянія на родину топарха: варвары (хазары), царствующій на сѣверъ отъ Дуная (великій князь кіевскій) и византійскій императоръ. Это лучше всего подходитъ къ Таврическому полуострову въ X столѣтіи.

Двѣ поѣздки или одна?

καὶ ἀπῆεν. Газе, которому слѣдуютъ Куникъ и другіе ученые, полагають, что это именно путешествіе описывается въ 1 отрывкѣ, попавшемъ будто бы случайно не на свое мѣсто. Вопросъ, двѣ ли

поѣздки или одна, легко разрѣшается при помощи 2 отрывка 2 гл. § 4: *Και ὁ πόλεμος εὐθύς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγύς ἦν ἐμβαλεῖν. ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χει(με)ρινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν.* Когда война началась, наступленіе зимы было близко. Что надъ началомъ зимы разумѣтся зимнее солнцестояніе, т. е. астрономическое начало зимы, явствуетъ изъ прибавленія: «ибо солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота» (зимнихъ знаковъ).

Отъ начала войны до совѣщанія въ Климатахъ и далѣе до поѣздки топарха къ великому князю должно было пройти нѣкоторое время, такъ что топархъ не раньше солнцестоянія могъ пуститься въ путь.

Если упоминаемая въ 3 отрывкѣ поѣздка тождественна съ путешествіемъ 1 фрагмента, то она имѣла цѣлью столицу великаго князя, оттого что въ первомъ отрывкѣ мы застаемъ посольство на возвратномъ пути зимою у днѣпровскихъ пороговъ. Что оно не въ степи вело переговоры съ великимъ княземъ, врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Зимою походы не предпринимались. Великій князь находился по всей вѣроятности въ своей резиденціи — Кіевѣ, если не въ какомъ нибудь изъ другихъ бѣльшихъ своихъ городовъ. На поѣздку же отъ нагорья Крымскаго полуострова до Кіева, а оттуда до порожистой части Днѣпра приходится не меньше пяти недѣль времени, не включая сюда остановокъ. Зимнее солнцестояніе падало по тогдашнему счисленію на 17 или 16 декабря; прибавивъ пять недѣль, получимъ время послѣ 20 января слѣдующаго года. Если принять въ расчетъ еще пребываніе посольства при дворѣ кіевскаго князя и остановку у Днѣпра, — то звѣздное наблюденіе едва ли бы могло произойти ранѣе 1 февраля. Но около этого времени Сатурна не видно на небѣ, такъ какъ онъ восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ.

Зейботъ (въ Пулковѣ) мнѣ обязательно сообщаетъ въ письмѣ отъ 16 марта 1899 г. слѣдующее: «Не легко рѣшить вопросъ о томъ, какъ долго послѣ заката солнца долженъ заходить Сатурнъ, если его желательно видѣть еще на вечернемъ небосклонѣ; ибо время очень измѣнчиво, завися отъ остроты зрѣнія и состоянія воздуха. Острое зрѣніе, полагаю я, сможетъ его замѣтить, если онъ заходитъ часомъ позже солнца, потому что онъ при солнечномъ закатѣ стоитъ тогда еще сравнительно высоко надъ горизонтомъ... Наврядъ ли можно принимать вторую половину января въ расчетъ, такъ какъ Сатурнъ 1 февраля заходитъ раньше солнца или почти одновременно, а 15 января 1 часомъ или немногимъ болѣе послѣ солнца».

На основаніи этихъ свѣдѣній ясно, что послѣ 20 января нельзя наблюдать Сатурна вечеромъ на небѣ. Съ этимъ согласуется, что Днѣпръ замерзаетъ въ среднемъ подъ конецъ декабря (по тогдашнему счисленію). Заключение очевидно: путешествіе въ 3 фрагментѣ не совпадаетъ съ путешествіемъ въ 1 фрагментѣ. Слѣдовательно, въ запискѣ дѣло идетъ о двухъ поѣздкахъ. Описанная въ первомъ отрывкѣ могла быть предпринята не позже 1 декабря по тогдашнему счисленію, вторая происходила не раньше середины того же мѣсяца. Къ тому же результату придемъ и въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Васильевскимъ примемъ мѣстонахожденіе Климатовъ на Дунаѣ.

Помимо сказаннаго самый характеръ разсказа намекаетъ на то, что порядокъ отрывковъ не долженъ быть измѣненъ, что первый по мѣсту въ кодексѣ фрагментъ будетъ и по содержанію своему первымъ. Конецъ 3 отрывка производитъ совершенно такое впечатлѣніе, какъ будто съ нимъ заканчивается и вся Записка. Прошу обратить должное вниманіе на сжатость разсказа. Рѣчь топарха приводится лишь въ главныхъ чертахъ, его поѣздка къ князю отдѣливается единымъ словомъ ἀπὲν, приемъ и успѣшный ходъ переговоровъ лишь мелькомъ намѣчены, результатъ ихъ излагается вкратцѣ. А до этого разсказъ топарха лился нѣсколькими широкими струями. Сжатость и сравнительная сухость его рѣчи къ концу 3 отрывка можетъ служить доказательствомъ тому, что Записка не составлена имъ одновременно съ событіями, описанными во фрагментахъ, или непосредственно за ними. Должно было пройти нѣкоторое время, чтобы впечатлѣнія могли ослабѣть въ его воображеніи и потерять свою свѣжесть.

Весьма невѣроятно, чтобы топархъ односложнымъ замѣчаніемъ ἀπὲν указывалъ на свое яркими красками описанное въ 1 отрывкѣ путешествіе, сопряженное со столькими опасностями и невиданными дотошъ явленіями. Полное умалчиваніе о подробностяхъ путешествія, ласковый приемъ со стороны великаго князя, краткая бесѣда, благоприятный исходъ переговоровъ,—все это по моему мнѣнію подтверждаетъ, что топархъ не былъ новичкомъ и уже раньше бывалъ у великаго князя русскаго. Выше сказанное нѣсколько освѣщаетъ показаніе топарха: ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλιμάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο. Наконецъ, уже само собою весьма вѣроятно, что первый по очереди въ кодексѣ фрагментъ и по содержанію своему предшествуетъ двумъ остальнымъ.

Гдѣ лежала крѣпостца τὰ Κλήματα?

Уже раньше было говорено о томъ, что слово τὰ Κλήματα встрѣчается въ качествѣ имени собственнаго только у Константина Б. въ его сочиненіи de administrando imperio, и что въ такомъ смыслѣ мы его тщетно искать будемъ во всей прочей византийской литературѣ. Что же разумѣетъ К. Б. подъ τὰ Κλήματα въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ это слово употребляетъ въ значеніи имени собственнаго? Всѣ мѣста съ τὰ κλήματα извлечены изъ К. Б. Куникомъ, при чемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ τὰ κλήματα является какъ *nomen proprium*, отмѣнены начальной прописною буквою въ словѣ τὰ Κλήματα.

Гл. 1 р. 68 (ed. Bonn.) *καὶ εἰ μὴ φιλίως ἔχουσι (οἱ Πατζινακῆται) πρὸς ἡμᾶς, δύνανται κατὰ τῆς Χερσῶνος ἐξέρχεσθαι καὶ κουρσεύειν καὶ ληΐζεσθαι αὐτὴν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα Κλίματα.* Буква η въ текстѣ замѣнена буквою ι, такъ какъ уже въ первой половинѣ Среднихъ вѣковъ η выговаривалось какъ долгій ι звукъ. Брунь считаетъ писаніе κλήματα правильнымъ, ставить κλήμα въ связь съ «виноградомъ» и усматриваетъ въ τὰ Κλίματα 42 гл. (р. 180) описку. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе писать слово такъ, какъ оно обыкновенно гласить въ подлинникахъ, т. е. черезъ η. Этой орѳографіи я буду держаться.

Гл. 11 р. 80: *δύναται (ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας) μεγάλως αὐτοὺς (τοὺς Χαζάρους) κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλήματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδῆν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτοὺς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλήματα. . . καὶ μὴ εὐρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτιθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλήμασιν. . .*

Гл. 42 р. 177: *Γεωγραφία... καὶ Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλημάτων εἰσίν... р. 180: ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσὶ τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων... σοῦδαν (на Перекопскомъ перешейкѣ) οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλημάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν... δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζινακῆται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ Κλήματα.*

Во всѣхъ другихъ цитованныхъ Куникомъ мѣстахъ τὰ κλήματα стоятъ въ значеніи *nomen appellativum*. Вотъ почему я здѣсь на нихъ

не обращаю вниманія, хотя это слово часто употребляется именно въ отношеніи къ южному побережью Крыма. Сопоставленіе всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ τὰ Κλίματα является именемъ собственнымъ, показываетъ, что Климаты составляли часть южнаго поморья Таврическаго полуострова, расположенную между Херсономъ и Боспоромъ. Замѣчаю мимоходомъ, что τὰ Κλίματα, будучи именемъ собственнымъ, не поддается переводу.

Херсонъ и Боспоръ, въ сообществѣ коихъ постоянно фигурируютъ Климаты, были сильными крѣпостями, передавшими свое названіе подчиненнымъ имъ областямъ. Сообразно съ этимъ не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что и область τὰ Κλίματα обязана своимъ именемъ одноименной крѣпости. Причина, по которой никто изъ писателей, за исключеніемъ готскаго топарха, не упоминаетъ о городѣ τὰ Κλίματα, быть можетъ та, что разрушенное варварами укрѣпленіе лежало въ развалинахъ и потеряло свое значеніе. Впрочемъ, весьма возможно, что Климаты скрываются подъ какимъ либо другимъ наименованіемъ; ибо тамошніе города нерѣдко мѣняли свои названія вслѣдствіе наплыва все новыхъ пришельцевъ. Кромѣ того мы вообще слишкомъ мало знакомы съ исторіею Таврическаго полуострова за эту эпоху, чтобы имѣть возможность положительно оспаривать существованіе такого города какъ τὰ Κλίματα.

Никто не отрицаетъ того, что Климаты Константина совпадаютъ съ таврическою Готіей. Замѣчательно, что Константинъ никогда не употребляетъ слова «Готія», а его постоянно замѣняетъ выраженіемъ τὰ Κλίματα. Въ Готіи по своему значенію выдавалась крѣпость *Dogu*, *Dogos*, позднѣйшее *Theodoros*. Въ жизнеописаніи готскаго епископа Іоанна она называется τὸ κάστρον τῆς Γοτθίας; у Прокопія поморье (χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα) носитъ названіе *Dogu*. Τὰ Κλίματα тождественно съ Готіей, занимавшей приблизительно пространство отъ Балаклавы до Гурзуфа. Не понимаю, отчего Успенскій (Отчетъ 248, 262) помѣщаетъ Климаты въ непосредственной близости къ городу Корсуно. Что онъ именно такъ поступаетъ, явствуется изъ его замѣчаній: «Тотъ, кто держался южныхъ частей Крыма, долженъ еще доказать, когда южная часть Крыма не была во власти императора... Въ X вѣкѣ положеніе Византіи въ южномъ Крыму было твердое и обеспеченное, такого колебанія византійскаго авторитета въ южномъ Крыму въ X вѣкѣ не могло быть». Если же Успенскій подъ южною частью Крыма разумѣетъ все побережье отъ Корсуна до Керчи, то

онъ жестоко заблуждается, ибо непозволительно игнорировать имѣющіяся на этотъ счетъ историческія свидѣтельства.

Если вспомнимъ все то, что было сказано выше относительно родины топарха (1 отрывокъ, 1 гл. § 3 и § 4, 3 гл. § 3, 4 гл. § 3, и разсужденія о національности варваровъ и о положеніи τὰ Κλήματα у К. Б.), то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Климаты нашей Записки слѣдуетъ искать въ горномъ Крыму. «Положительныхъ фактовъ переспорить нельзя», замѣчаю вмѣстѣ съ Гедеоновымъ и Куникомъ по адресу Васильевского, усматривающаго въ τὰ Κλήματα фрагментовъ Κλεμάδες (VI вѣкъ) на Дунаѣ вблизи Оршovy, не подходящія и въ звуковомъ отношеніи къ τὰ Κλήματα.

Копія или автографъ?

Опредѣленіе Газе о времени происхожденія фрагментовъ можетъ служить точкою опоры при сужденіи объ эпохѣ, на которую падаютъ описанныя въ отрывкахъ событія, если достовѣрно, что дѣло идетъ не о копія, а о черновой, о первомъ наброскѣ автора. Въ этомъ убѣждаетъ насъ заявленіе Газе, которому мы обязаны открытіемъ источника. Почеркъ отрывковъ, замѣчаетъ Газе, мелкій, связный, запутанный и очень неразборчивый (*litteris minutis, perplexisque... eadem intricatissima manu*), много словъ измѣнено, зачеркнуто, написано (*multis verbis mutatis, inductis, superscriptis*), такъ что для знаменитаго византиниста, бывшаго, какъ извѣстно, глубокимъ знатокомъ рукописей, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Записка есть автографъ. Если даже не придадимъ значенія тому непосредственному впечатлѣнію, которое фрагменты произвели на Газе, мы неминуемо приходимъ къ тому же заключенію, когда присматриваемся къ тексту въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изданъ у Газе. Примѣчанія Газе къ тексту даютъ намъ наглядное представленіе о состояніи источника. Еще болѣшій интересъ, нежели поправки словъ, имѣютъ зачеркнутыя мѣста, въ которыхъ авторъ забѣгаетъ впередъ своему разсказу. Онъ ихъ вычеркиваетъ, чтобы вставить объясненія или наверстать пробѣлы. Эта своеобразная структура отрывковъ убѣдитъ всякаго внимательнаго изслѣдователя въ справедливости заявленія Газе. А между тѣмъ, нашлись ученые, осмѣливающіеся утверждать прямо противоположное (см. Иловайскаго, стр. 331 прим. и стр. 404). Даже сомнѣнія въ родѣ тѣхъ, что высказываетъ Успенскій на стр. 267 и 268 Кіевской Старины, недопустимы.

Дѣло идетъ о трехъ или, лучше, двухъ фрагментахъ, такъ какъ послѣднiе два отрывка какъ по занимаемому ими въ кодексѣ мѣсту, такъ и по содержанiю образуютъ одно цѣлое. На стр. 496 Газе замѣчаетъ во вступленiи, что записка folio duo vasca illevis, а передъ 2 отрывкомъ говорится: sequitur post quadraginta circiter folia alterum (fragmentum). Изъ этого слѣдуетъ, что 1 отрывокъ занимаетъ одинъ листокъ, а второй отрывокъ—другой листокъ. Если же Газе на стр. 503 передъ 3 фрагментомъ замѣчаетъ: Sequuntur in folio alio abrupta illa, то онъ разумѣетъ или, согласно съ упомянутыми folio duo, вторую страницу второго листка, или же въ противорѣчiе съ folio duo, слѣдующiй листокъ. Если отрывки, находящiеся въ той же книгѣ, написаны одною и тою же рукою (eadem intricatissima manu), то можно ожидать, что и содержанiе ихъ будетъ стоять въ тѣсной связи между собою. Насчетъ 2 и 3 отрывковъ это неоспоримый фактъ. Что же касается 1 фрагмента и двухъ остальныхъ, то ихъ внутреннюю связь указываютъ нѣкоторые признаки, о которыхъ было нами говорено уже выше. Въ первомъ фрагментѣ описывается возвратный (изъ Россiи) путь топарха, во второмъ мы его застаемъ на родинѣ; въ началѣ того же отрывка у него Россiя на умѣ (τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ), въ 3 отрывкѣ авторъ говоритъ о поѣздкѣ къ великому князю (βασιλεύων κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ), отдавшему ему съ удовольствiемъ снова всю власть надъ Климатами...

Между первымъ и вторымъ фрагментами замѣчается пропускъ. Недостаетъ, между прочимъ, описанiя прибытiя топарха на родину. Первый отрывокъ покидаетъ его среди занесенныхъ снѣгомъ понтiйскихъ стеней на югѣ отъ днѣпровскихъ пороговъ. Далѣе не хватаетъ изложенiя событiй, происходившихъ въ области топарха по его возвращенiю. Послѣднiй пробѣлъ восполняется до извѣстной степени самимъ авторомъ, ибо онъ во второмъ фрагментѣ даетъ ретроспективный обзоръ происшествiямъ, случившимся по отстраненiю имъ первой опасности. Сколько лѣтъ прошло отъ событiй перваго фрагмента до событiй второго и третьяго фрагментовъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, годъ, а можетъ-быть и нѣсколько лѣтъ.

Палеографическое опредѣленiе времени по Газе.

По Газе кодексъ принадлежитъ къ исходу X вѣка (saec. X exeuntis), почеркъ же отрывковъ по его мнѣнiю немного моложе (litteris nec multo quam Cod. ipse recentioribus). Слѣдуетъ ли изъ этого, что

Газе начертаніе нашей Записки приурочиваетъ къ началу XI столѣтія? Не думаю. Судя по Газе, отрывки возникли одновременно или непосредственно за описываемыми событіями. Далѣе, Газе связываетъ содержаніе Записки съ завоеваніемъ Херсона Владимиромъ и его крещеніемъ въ 988 (989) году. Слѣдовательно наши фрагменты написаны (по Газе) въ 989 году, во всякомъ случаѣ до 1000 года. Впрочемъ, я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Успенскаго, что авторъ передаетъ факты не въ формѣ путевыхъ замѣтокъ, но въ видѣ исторической записки о прошедшихъ событіяхъ; значить, продолжаю я, слѣдовало бы перенести составленіе его мемуара на XI столѣтіе, предполагая правильность сужденія Газе о почеркѣ. Но такъ какъ такое точное опредѣленіе рукописи на основаніи палеографическихъ признаковъ невозможно, то, очевидно, Газе при своемъ домыслѣ руководствовался предполагаемымъ соотношеніемъ содержанія фрагментовъ ко взятію Корсуня русскими. Вѣдь въ началѣ 2 отрывка Газе замѣчаетъ только: *scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI*. Какъ Крумбахеръ отнесся къ опредѣленію Газе, сообщается мною въ вступленіи къ моему труду. Въ такомъ же направленіи высказывается и византинистъ Успенскій на стр. 266 (К. Ст.): «Едва ли, однако, можно серьезно настаивать на палеографическихъ наблюденіяхъ до такой степени, чтобы отличать почерки по двадцатилѣтіямъ... да и въ опредѣленіи вѣковъ (палеографы) не всегда бываютъ согласны».

Поэтому мы поступимъ правильнѣе, если будемъ держаться менѣе опредѣленнаго палеографическаго приуроченія (*scriptura... saec. X aut XI*), причемъ мы можемъ имѣть въ виду, что по мнѣнію Газе почеркъ указываетъ приблизительно на середину этого пространства времени. А во избѣжаніе всякихъ погрѣшностей мы намѣрены еще болѣе раздвинуть предѣлы этой эпохи на нѣсколько десятилѣтій и сообразовываться при нашемъ изслѣдованіи со всѣмъ этимъ громаднымъ періодомъ времени.

Къ какому времени приурочивается содержаніе Записки?

Если не подлежитъ сомнѣнію, что *ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύων* есть великій князь русскій, то время появленія русскихъ въ Кіевѣ (ок. 850 г.) составляетъ крайній *terminus a quo*. Но такъ какъ русскій князь фрагментовъ изображается весьма могущественнымъ государемъ, владѣнія котораго далеко простираются на югъ,

доходя до нагорья Крыма и низовьевъ Дуная, то мы вынуждены придвинуть *terminus a quo* къ 882 году, году захвата Кіева Олегомъ. Въ 885 году этому князю были подвластны поляне, древяне, сѣверяне и радимичи, а съ уличанами и тиверцами онъ вель въ то время войну. Въ 906 (907) году Олегъ предпринялъ свой походъ на Константинополь съ большимъ войскомъ, въ составъ котораго входили также хорваты, дулѣбы и тиверцы. Итакъ, его государство къ этому времени доходило до Карпатъ и Днѣстра, до Дуная и Чернаго моря. До 906 году (по лѣтописи Нестора) господствовалъ въ теченіи многихъ лѣтъ миръ между греками и русскими.

Имѣли ли русскіе время Олега какія либо владѣнія на Таврическомъ полуостровѣ? На основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ данныхъ мы обязаны дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ договорѣ Олега съ греками (911 г.) Херсонская страна вовсе не упоминается въ противоположность договорамъ съ преемниками Олега. Что же касается извѣстій восточныхъ писателей объ островѣ (полуостровѣ) Русія, извѣстій, сводящихся къ первоисточнику IX столѣтія, то внимательный анализъ всѣхъ сюда относящихся свидѣтельствъ показываетъ, что этотъ замысловатый островъ находился въ сѣверной половинѣ восточной Европы.

Мы можемъ утверждать положительно, что отрывки топарха, говорящіе въ пользу твердой позиціи русскихъ въ Крыму, или же, по крайней мѣрѣ, о верховной ихъ власти надъ нѣкоторыми частями его, не идутъ къ княженію Олега, который свой первый походъ на грековъ предпринимаетъ въ 906 году; во всякомъ случаѣ противоположное мнѣніе нельзя поддержать цитатами изъ источниковъ; лишнее основаніе, оно виситъ въ воздухѣ. Съ чисто исторической точки зрѣнія *terminus a quo* можно помѣстить не раньше княженія Игоря, первый походъ котораго на грековъ происходитъ въ 914 году, — во всякомъ случаѣ не раньше 906 года; ибо лишь съ этого времени вниманіе Олега обращается на Черное море. Да того же времени, подчеркиваю еще разъ, всѣ источники хранятъ глубокое молчаніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму.

Куникъ, считая себя связаннымъ палеографическимъ опредѣленіемъ Газе (Зап. Г. Т. 89), относитъ содержаніе отрывковъ ко времени послѣ 940 г. Съ чисто исторической точки зрѣнія возможно, мнѣ кажется, также приурочить Записку къ періоду до 940 г. Не могу присоединиться къ аргументаціи Куника, считающаго упомянутые въ

договорѣ 944 г. «градъ» за *χάστρα τῶν Κλημάτων*. Рѣчь идетъ не объ области Климатовъ, а о странѣ Корсунской съ ея городами, укрѣпленными мѣстами (*τὰ χάστρα τῆς Χερσῶνος*). Въ договорѣ 972 года равнымъ образомъ говорится только о Херсонской землѣ, между тѣмъ, по Кунику, Святославъ долженъ былъ отказаться какъ отъ своихъ притязаній на Корсунь, такъ и отъ своихъ притязаній на Климаты. Въ противоположность Константину Б., по которому южное побережье Крыма распадается на три части (Херсонъ, Климаты и Боспоръ), Куникъ подъ страною Корсунской разумѣетъ также Климаты, даже Боспоръ, потому что онъ то, что имѣетъ отношеніе только къ Херсону, приписываетъ всему южному поморью. Въ такомъ смыслѣ онъ трактуетъ о договорахъ 944 и 972 гг., о событіяхъ 989 г.; подобнымъ образомъ онъ рассматриваетъ показанія Константина Б.: по Кунику хазары нападаютъ на Корсунь, Климаты и Керчь, печенѣги вступаютъ въ мирныя сношенія съ Корсунью и Керчью, хотя К. Б. объ этомъ ничего не говоритъ (гл. 6 и 11 въ сочин. de adm. imp.).

Такъ какъ Святославъ, по (не совсѣмъ правдоподобному) мнѣнію Куника, въ 972 г. отказывается отъ своихъ притязаній на Херсонъ и Климаты, то онъ приурочиваетъ содержаніе фрагментовъ ко времени до 972 года. Но я вполне согласенъ съ Куникомъ, настаивающимъ на эпохѣ до 989 года, ибо около 989 года большая часть южнаго поморья Таврическаго полуострова перешла во владѣніе русскихъ.

Обратимся теперь къ *terminus ad quem*.

Во второй половинѣ XI вѣка на южнорусскія степи нахлынули орды половцевъ, частью истребившихъ печенѣговъ, частью прогнавшихъ ихъ на югозападъ. Объ этихъ новыхъ пришельцахъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ рѣчи въ нашей Запискѣ. Лестный, чуть ли не восторженный, отзывъ топарха о прежнемъ образѣ дѣйствій «варваровъ» не подходитъ къ половцамъ XI столѣтія. Но наши фрагменты нельзя отнести и XII или XIII вѣкамъ, потому что русскіе, отрѣзанные уже къ концу XI вѣка отъ юга, лишились своихъ тамошнихъ владѣній. Тмутаракань въ 1094 г. исчезаетъ съ историческаго поприща. Корчевъ (Керчь) въ послѣдній разъ встрѣчается на одной надписи подъ 1068 годомъ (Брунъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. Томъ 5, 1863, стр. 131). Во второй половинѣ XII вѣка эти земли принадлежали грекамъ (Куникъ, Записка Г. Т. 92). Равнымъ образомъ «варвары» не могутъ быть тождественны съ печенѣгами (до нашествія половцевъ), потому

что въ XI столѣтіи греки (и русскіе?) владѣли южнымъ побережьемъ Крыма. Какъ видно изъ греческой надписи (Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи, С.-Петербур. 1896, стр. 16/17) Херсонъ и Сугдея были въ 1059 году въ рукахъ Византіи.

Если «варвары» не могутъ быть ни печенѣгами, ни половцами, а отрывки нельзя приурочить къ XI столѣтію, то ихъ слѣдуетъ отнести къ X вѣку и отождествить варваровъ съ хазарами. Всякій согласится съ тѣмъ, что представленная топархомъ характеристика варваровъ прекрасно идетъ къ хазарамъ съ ихъ обширнымъ полувцилизированнымъ цвѣтущимъ государствомъ. Во второй половинѣ X вѣка могущество хазаръ было сильно поколеблено. Въ 965 году Святославъ овладѣлъ пограничною крѣпостью Саркель на Дону (Бѣла Вежа) и проникъ въ землю ясовъ и касоговъ. Въ 969 году рѹсы (норманская вольница) разгромила Итиль и Семендеръ. А въ слѣдующемъ столѣтіи въ 1016 г. соединенныя силы грековъ и русскихъ завоевали послѣдніе остатки хазарскихъ владѣній въ восточной половинѣ Крыма «именно у Eski-Kryma или Solqat-a... Kazarat, равнымъ образомъ у Кафы, область которой считалась въ средніе вѣка принадлежащею къ Gazaria» (Томашекъ 32).

Тамань (Тмутараканское княжество) упоминается въ русской лѣтописи впервые въ 988 году. Оно было, очевидно, основано раньше 988 года, по всей вѣроятности уже Святославомъ, покорившимъ въ 965 году ясовъ (аланъ) и касоговъ (черкесы). Если бы рѣчь шла только о ясахъ, то нельзя было бы еще вывести такое заключеніе, такъ какъ поселенія ясовъ простирались на сѣверъ отъ Кавказа до Азовскаго моря и низовьевъ Дона, а поселенія касоговъ, на сколько мы знаемъ, ограничивались одной горной областью. Итакъ, Святославъ въ своемъ походѣ дошелъ до Кавказскаго хребта и Таманскаго полуострова. По этимъ причинамъ мы вправѣ основаніе Тмутараканскаго княжества приписывать великому князю Святославу. Съ тѣхъ поръ, какъ эта область перешла во власть русскихъ, загражденъ былъ хазарамъ главный путь въ южное поморье Крыма и ихъ вліянію на дѣла Крыма былъ нанесенъ сильный ударъ. Большинство ученыхъ, далѣе, того мнѣнія, что царство хазаръ рушилось окончателно въ 969 году. Въ 1016 году доходить до насъ вѣсть о завоеваніи греками и русскими послѣднихъ хазарскихъ владѣній въ Крыму. Изъ Таврическаго полуострова, въ общемъ, хазары уже были вытѣснены Владимиромъ Великимъ ко времени захвата имъ Корсуни. Но изъ фрагментовъ то-

парха явствуетъ, что «варвары» обладали въ Крыму значительною властью. Города и селенія примкнули къ нимъ добровольно; въ настоящее же время они свирѣпствовали противъ своихъ подчиненныхъ и союзниковъ, разрушили 10 городовъ и 500 селеній. Итакъ, отрывки топарха относятся къ эпохѣ до 988 года, по всей вѣроятности до 969 г., пожалуй даже до 965.

Terminus a quo тоже можно значительно подвинуть впередъ Лучшими знатоками историко-географическихъ отношеній на сѣверномъ побережьи Чернаго моря являются императоръ Константинъ Багрянородный и каганъ хазаръ Юсифъ. Оба оставили намъ связныя и сравнительно подробныя извѣстія. Изъ сочиненія de adm. impreg. (ок. 950) и изъ хазарскаго письма (ок. 960) явствуетъ, что русскимъ въ тѣ времена не принадлежали ни Тамань, ни какая бы то ни была часть южнаго поморья Таврическаго полуострова.

Позволю себѣ здѣсь напомнить читателямъ, что Черная Болгарія К. Б. не совпадаетъ съ Кубанскою областью, какъ это до сихъ поръ полагали. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушится предположеніе Куника, будто русскіе уже въ то время засѣли на Керченскомъ проливѣ, коль скоро они могли, согласно договору 944 г., воспрепятствовать Чернымъ болгарамъ дѣлать вторженія въ Херсонскую землю. Равнымъ образомъ изъ означеннаго договора еще не видно, чтобы русскіе имѣли владѣнія на южномъ побережьи, хотя и справедливо, что они сильно тѣснили Корсунь. Все же содержаніе договора 944 г. весьма важно тѣмъ, что даетъ возможность заключить о вліяніи русскихъ на судьбы Таврическаго полуострова за эту эпоху. Въ 941 году Игорь совершаетъ свой первый походъ на Византію, такъ что незадолго до этого времени произошелъ, видно, разрывъ между греками и русскими. Въ виду этого мы за дальнѣйшій terminus a quo можемъ принять время около 940 года. На основаніи К. Б. и хазарскаго кагана Юсифа мы вправѣ передвинуть границу времени къ 950 или 960 годамъ. А terminus ad quem составляютъ годы 969 и 965. Вотъ самыя тѣсныя границы, которыя еще возможно провести для описываемыхъ во фрагментахъ происшествіяхъ.

Астрономическія даты.

Астрономическія данныя, какъ таковыя, не были вполне ясны, и потому раскрытіе ихъ смысла представляло нѣкоторыя затрудненія. Разъясненіемъ астрономическихъ данныхъ я обязанъ астроному

В. Вислицениусу въ Страсбургѣ, съ которымъ велъ обширную переписку. Проф. Вислицениусъ первый обратилъ вниманіе на то, что *ἡλίον κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος* означаетъ астрономическую зиму, т. е. время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Это побудило меня обратиться въ С.-Петербургъ въ Главную Физическую Обсерваторію съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣнія относительно замерзанія рѣки Днѣпра. Данныя справки вполне гармонируются съ «зимними знаками». Благодаря свѣдѣніямъ, которыми меня снабдилъ проф. Вислицениусъ, я самъ былъ въ состояніи проверить результаты вычисленій Зейдлера, оказавшіеся вполне несостоятельными. Страсбургскій астрономъ подтвердилъ правильность моихъ сужденій. Астрономъ Зейботъ (въ Пулковѣ) высказался въ томъ же смыслѣ. Легко указать ошибки, сдѣланныя Зейдлеромъ.

По Зейдлеру наблюденіе происходило въ полночь, въ то время какъ уже Васильевскій, основываясь на греческомъ текстѣ, сообразилъ, что наблюденіе сдѣлано было вечеромъ, раньше полуночи,—несмотря на то, что ему смыслъ предложенія *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐστέριον φάσιν ἤδη ποιούντος* (на сколько мы судить можемъ по его переводу) остался темнымъ.

Зейдлеръ не зналъ времени замерзанія рѣки Днѣпра. Согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Главной Физической Обсерваторіи въ сообщеніи отъ 21 августа 1898 г. за № 2385, Днѣпръ замерзаетъ въ среднемъ у Лопманской Каменки (выше днѣпровскихъ пороговъ), по наблюденіямъ съ 1862 г., 21 декабря, у Екатеринослава (по свѣдѣніямъ съ 1818 г.) въ среднемъ также 21 декабря; а у Херсона Днѣпръ въ среднемъ замерзаетъ 20 декабря (по наблюденіямъ съ 1848 г.). Если перевести эти даты на тогдешнее время, то получается 27—29 декабря. По мнѣнію метеорологовъ климатъ Европы не измѣнился ощутительнымъ образомъ за историческое время. Итакъ, топархъ совершилъ свою переправу чрезъ Днѣпръ, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ числахъ декабря или въ началѣ января.

Проф. А. Кононовичъ (въ Одессѣ) и Зейботъ (въ Пулковѣ) полагали было, въ противоположность проф. Вислицениусу, что *ἡλίον κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος* можетъ быть просто фигурнымъ выраженіемъ мысли: была зима, а не попыткою опредѣленія солнца на небесномъ сводѣ. Они не знали того мѣста во 2 отрывкѣ, которое рѣшаетъ вопросъ въ пользу Вислицениуса.

Зейдлеръ понимаетъ подъ «началомъ Водолея» ϵ и μ этого созвѣздія, или, лучше, мѣсто пересѣченія круговъ широтъ ϵ и μ съ путемъ Сатурна. То и другое предположеніе неправдоподобно. Какъ бы ни толковали фразу *καὶ γὰρ ἔτιυχε, περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου*, всѣ согласны въ томъ, что рѣчь идетъ о прохожденіи Сатурна черезъ созвѣздіе Водолея. Спрашивается только, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ созвѣздія? Что касается второго предположенія, то точки пересѣченія круговъ широтъ ϵ и μ Aquarii съ путемъ Сатурна приходятся приблизительно на середину созвѣздія Козерога. А если Зейдлеръ подъ началомъ Водолея разумѣлъ мѣсто около ϵ и μ , то на такое предположеніе отвѣчаю разъясненіемъ Зейбота въ письмѣ отъ 4 марта 1899 года: «Само собою разумѣется, что подъ началами нельзя понимать дѣйствительное астрономическое начало созвѣздія, т. е. мѣсто у ϵ Aquarii, ибо Сатурнъ, вслѣдствіе незначительнаго наклоненія плоскости своей орбиты къ эклиптикѣ, никогда его достигъ не можетъ. Такимъ образомъ, мыслимо единственно то мѣсто, гдѣ Сатурнъ дѣйствительно входитъ въ созвѣздіе, т. е. мѣсто у ι Aquarii». Когда же я Зейботу сообщилъ другое толкованіе фразы *καὶ γὰρ ἔτιυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου*, по которому *ὑδροχόου* относится не къ болѣе отдаленному *τὰς ἀρχὰς*, а къ непосредственно предшествующему *διῶν* (слѣд. «проходя черезъ Водолея»), то получилъ въ отвѣтъ: «Особеннаго термина «начало созвѣздія» не существуетъ въ астрономіи. Но начало слѣдуетъ принимать подъ тою долгоюю и тѣмъ прямымъ восхожденіемъ, подъ которымъ лежатъ первыя, находящіяся впереди, звѣзды созвѣздія, здѣсь, слѣдовательно, мѣсто у ϵ Aquarii. Но такъ какъ Сатурнъ постоянно вступаетъ въ Водолея у ι Aquarii, то второму толкованію текста (Сатурнъ находился какъ разъ въ началѣ своего пути черезъ Водолея) слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Имѣлъ ли составитель Записки дѣйствительно въ виду различіе между обоими толкованіями и не разумѣлъ ли онъ подъ «началами» просто приблизительную (западную) границу созвѣздія? Во всякомъ случаѣ здѣсь можетъ быть принято въ соображеніе только мѣстность у ι Aquarii». Въ томъ же смыслѣ высказался и Кононовичъ въ письмѣ отъ 14 марта 1898 г. Одесскій астрономъ подъ «началомъ» Водолея разумѣетъ ту часть западной границы созвѣздія, которая пересѣкаетъ путь Сатурна, — причеиъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Кононовичъ не зналъ второго толкованія упомянутой греческой фразы.

Указаніе на ошибочныя предположенія Зейдлера даетъ полную

возможность судить о достоинствѣ его заключеній въ отношеніи хронологическаго приуроченія нашихъ фрагментовъ. Его результатъ слѣдующій: «въ концѣ 961 г. восходилъ и заходилъ... Сатурнъ одновременно съ солнцемъ и потому былъ невидимъ; въ ноябрѣ 991 г. однако онъ заходилъ около полуночи». Выше я привелъ мнѣніе проф. Вислицениуса относительно вычисленій Зейдлера. Въ осужденіи выводовъ Зейдлера Зейботъ вполне сходится съ страсбургскимъ астрономомъ.

Не слѣдуетъ ли подразумѣвать подъ *ὄρουρος* знакъ Водолея, а не его созвѣздіе? Такая мысль можетъ тому или другому прийти въ голову. Но всѣ обстоятельства говорятъ рѣшительно въ пользу непосредственнаго наблюденія, т. е. въ пользу созвѣздія Водолея, а не знака Водолея. Астрономическія указанія дѣлаются во время путешествія по пустыннымъ южнорусскимъ степямъ въ зимнее время. Что можетъ быть естественнѣе выслѣживанія погоды по состоянію атмосферы и констеляціи звѣздъ? Начальникъ каравана предугадалъ приближеніе бури и побудилъ своихъ спутниковъ отложить поѣздку. Предсказанная мятель дѣйствительно поднялась около полуночи. Сравни краткое замѣчаніе Кононовича: «Непосредственное наблюденіе относится къ созвѣздію, а указаніе на знакъ зодіака есть уже дѣло разсчета», и подробное разъясненіе Зейбота: «Созвѣздіе Водолея и знакъ ♓ совпадали въ тѣ времена на двѣ трети. (Теперь знакъ лежитъ почти весь въ созвѣздіи Козерога). Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о созвѣздіи, такъ какъ знакъ ничѣмъ не отмѣченъ на небѣ и нужна огромная память (необходимо было бы запомнить долгины всѣхъ близъ лежащихъ звѣздъ) и блестящая способность къ ориентировкѣ, чтобы изобразить опредѣленную дугу на небесномъ сводѣ».

Что касается границы между созвѣздіями Водолея и Козерога, то Кононовичъ замѣчаетъ: «Граница между созвѣздіями не есть опредѣленная математическая линія—даже на новыхъ картахъ разныхъ авторовъ она различна; про разсматриваемую часть неба можно сказать, что ι Aquarii несомнѣнно въ созвѣздіи Водолея, δ и γ Capricorni несомнѣнно въ созвѣздіи Козерога, такъ что если Сатурнъ былъ на лѣво отъ δ и γ Capricorni, то про него можно сказать, что онъ вступаетъ въ созвѣздіе Водолея». Сравни разсужденіе Зейбота: «Но на какомъ разстояніи передъ этой звѣздой (ι Aquarii) или за нею слѣдуетъ считать «начало»? При медленномъ движеніи Сатурна это вопросъ первостепенной важности и можетъ стать камнемъ преткновенія, о который разобьется нахожденіе искомаго времени. Чтобы

даты не потеряли всей своей цѣны, необходимо предположить, что греческій путешественникъ обладалъ столь точнымъ знаніемъ неба, какое имѣется нынѣ лишь у весьма немногихъ астрономовъ. Сравнительно слабыя и мало бросающіяся въ глаза звѣзды Водолея и Козе-рога съ трудомъ разграничиваются и легко смѣшиваются. Но весьма возможно, что онъ (топархъ) въ качествѣ вспомогательнаго мнемотехническаго средства воспользовался фигурою, въ которую съ давнихъ поръ соединены болѣе свѣтлыя звѣзды Водолея. Чтобы убѣдиться въ томъ, лежали ли уже тогда болѣе важныя звѣзды, присчитывающіяся теперь къ созвѣздію, въ особенности звѣзда ϵ , въ предѣлахъ фигуры, я обратился за совѣтомъ къ звѣздному каталогу изъ середины X столѣтія, составленному персидскимъ астрономомъ Abd-al-Rahmen al Sûfi (изд. Schjellerup, С.-Петербургъ 1874), и прилагаю копіи съ двухъ тамъ помѣщенныхъ чертежей¹⁾. Въ одномъ изъ нихъ, находящемся въ Петербургской рукописи каталога, я замѣнилъ арабскія обозначенія звѣздъ употребляемыми въ настоящее время названіями. Другой чертежъ снимокъ съ Копенгагенской рукописи отъ 1601 г., представляющей копію съ манускрипта отъ 1013 года. Дѣйствительно, на обоихъ рисункахъ ϵ Aquarii приходится внутри фигуры и потому никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Теперешнее разграниченіе созвѣздій неправильными линиями, возникшее лишь по открытіи телескопическихъ звѣздъ и различное у различныхъ картографовъ, лишено всякаго значенія, и мы поступили бы неправильно, если бы эту границу занесли въ карты и изъ ея пересѣченія съ путемъ Сатурна пожелали вывести точную дату».

Пояснительныя замѣчанія Зейбота къ его вычисленіямъ и картамъ.

Первыя три прохожденія Сатурна черезъ созвѣздіе Водолея относятся къ среднему положенію экватора въ началѣ 900 года, остальные къ 1000 г. Всѣ прохожденія Сатурна весьма похожи другъ на друга. Сатурнъ всегда входитъ въ созвѣздіе Водолея немного сѣвернѣе ϵ Aquarii, въ маѣ или іюнѣ всегда останавливается, принимая затѣмъ обратное направленіе, а въ октябрѣ начинаетъ двигаться въ противоположную сторону. Для самыхъ важныхъ датъ (1 дек., 1 янв. и

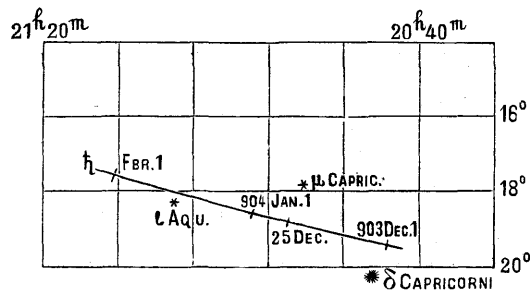
1) Чертежи и карты см. въ моемъ нѣмецкомъ изданіи.

1. Февр.) вычисленія сдѣланы нѣсколько точнѣе, чѣмъ для другихъ датъ; но и точность послѣднихъ ббльшая, нежели требуется для графическаго изображенія. Восходы и заходы Сатурна и солнца вычислены для широты Екатеринослава ($\varphi=48^{\circ}28'$; $\lambda=2^{\text{h}} 20^{\text{m}}.6$ къ востоку отъ Гринича $=2^{\text{h}} 11^{\text{m}}.2$ къ востоку отъ Парижа). Для мѣстъ, лежащихъ немного сѣвернѣе или южнѣе, время измѣняется лишь въ самой незначительной степени. Зимніе знаки (Козерогъ, Водолей и Рыбы) обнимаютъ 270—360 градусовъ эклиптики и простираются такимъ образомъ отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Зимнее солнцестояніе (долгота солнца $=270^{\circ}$) наступило 17 декабря въ 900 г. и 16 дек. въ 1000 с. (всѣ даты по старому стилю).

«№ 873—875. Только въ эту карту занесена эклиптика, чтобы показать ея положеніе. 1 дек. 874 г. h находился у самой ! Aquarii и заходилъ въ $8^{\text{h}} 37^{\text{m}}$, $4\frac{1}{2}$ часа послѣ заката \odot ». Слѣдовательно, въ началѣ зимы 17 дек. 874 г. Сатурнъ былъ уже на значительномъ разстояніи отъ ! Aquarii внутри созвѣздія, такъ что это прохожденіе Сатурна непримѣнимо. Не стоитъ, впрочемъ, труда останавливаться на этомъ прохожденіи, падающемъ на время до вокняженія Олега въ Кіевѣ.

«903—904. Для этого прохожденія я довольствовался тремя внесенными, точно вычисленными пунктами, такъ какъ дальнѣйшее направленіе пути Сатурна явствуетъ изъ безукоризненной карты Кононовича». Въ виду ссылки Зейбота на рисунокъ Кононовича, я счелъ необходимымъ приложить его къ картамъ Зейбота. «Затрудняюсь сказать, слѣдуетъ ли это прохожденіе принимать во вниманіе». Мнѣ это также кажется весьма сомнительнымъ, ибо Сатурнъ только къ серединѣ января 904 г. вступаетъ въ созвѣздіе. Днѣпръ же замерзаетъ въ среднемъ въ концѣ декабря мѣсяца. Въ 904 г. солнце заходитъ 15 янв. въ $4^{\text{h}} 38^{\text{m}}$ (для Екатеринослава), а Сатурнъ—въ $5^{\text{h}} 43^{\text{m}}$, всего только часомъ слишкомъ позднѣе; такъ что спрашивается, смогъ ли его топархъ вечеромъ увидѣть на небѣ. Даже если Сатурнъ былъ видимъ, то не было видать ни Водолея, ни Козерога. Это прохожденіе Сатурна мнѣ не давало покою и потому я обратился за болѣе подробнымъ объясненіемъ къ Зейботу и Вислиценіусу. По внимательномъ разсмотрѣніи этого случая Зейботъ мнѣ письмомъ отъ 5 ноября 1902 г. сообщилъ, что ему «кажется довольно невѣроятнымъ, чтобы наблюденіе относилось къ этому прохожденію», но при этомъ проситъ его не считать въ данномъ случаѣ за авторитетъ; а

Вслиценіусъ въ письмѣ отъ 27 ноября 1902 г. по тщательномъ разборѣ вопроса приходитъ къ такому заключенію: «Итакъ считаю весьма невѣроятнымъ, чтобы онъ (топархъ) при вычисленныхъ Зейботомъ условіяхъ былъ въ состояніи замѣтить вхожденіе Сатурна въ Водолея въ началѣ 904 г.». Прилагаю при семъ карту, попутно мнѣ присланную Зейботомъ. Съ чисто исторической точки зрѣнія крайне невѣроятно, чтобы отрывки готскаго топарха относились ко времени до 906 г. Палеографическое опредѣленіе Газе указываетъ тоже на болѣе позднюю эпоху. Итакъ, мы смѣло можемъ оставить въ сторонѣ прохожденіе Сатурна въ началѣ X вѣка.

«♄ 931—934... 1 дек. 933 г. ♄ находился уже за ♏ Aquarii внутри созвѣздія». Если самъ Зейботъ, считавшій возможнымъ, чтобы искомое число приходилось на время до 17 (или 16) декабря, отвергаетъ это прохожденіе Сатурна, оно безъ сомнѣнія непригодно въ виду того, что зимніе знаки слѣдуетъ понимать въ строго астрономическомъ смыслѣ; 17 же дек. Сатурнъ былъ уже въ значительномъ отдаленіи отъ ♏ Aquarii. Слѣдовательно, Записка никоимъ образомъ не можетъ быть связана съ княженіемъ Игора (912—945).

«♄ 961—963. Въ 963 г. 1 января ♄ находился возлѣ границы созвѣздія, но заходилъ уже въ 6^h 37^m, на 2¹/₄^h позднѣе солнца». Такъ какъ по Зейботу человекъ съ острымъ зрѣніемъ видитъ Сатурна часъ спустя послѣ заката солнца, то планета около 1 янв. видима была на небѣ еще до своего захода. Позволяю себѣ при этомъ напомнить, что пространство времени отъ приблизительно 940 до 989 или 950—969 оказалось съ чисто исторической точки зрѣнія той эпохою, въ которую вѣроятнѣе всего разыгрывались описанныя во фрагментахъ происшествія. (Въ виду того, что Сатурнъ совершаетъ свой оборотъ вокругъ солнца въ 29 лѣтъ 166 дней, при рѣшеніи занимающаго

насъ вопроса не идетъ въ счетъ время отъ 933/934 до 962/963 гг. и время отъ 962/963 до 992/993 гг.). Кроме того я тутъ же подчеркиваю, что такіе глубокіе знатоки древнерусской исторіи, каковы Куникъ, Геденовъ и Васильевскій, приводятъ наши отрывки въ связь съ княженіемъ Святослава, несмотря на то, что названные ученые часто далеко расходятся въ самыхъ важныхъ вопросахъ изъ русской старины и въ настоящемъ случаѣ исходили изъ различныхъ точекъ зрѣнія.

«ѣ 990—993. «Это прохожденіе врядъ ли можетъ быть принято въ соображеніе, оттого что въ началѣ 992 и 993 г. ѣ довольно далеко отстоялъ отъ границъ Водолея». Что это прохожденіе не подходитъ, учить бѣглый взглядъ на соотвѣтственную астрономическую карту Зейбота. И на этомъ мѣстѣ, я желалъ бы напомнить, что Записка топарха не включаетъ въ себѣ ни малѣйшихъ намековъ на событія 989 г.

«ѣ 1020—1022. Во второй половинѣ декабря 1021 г. ѣ вступалъ въ созвѣздіе и заходилъ около $7\frac{1}{4}$ часа три спустя послѣ солнца». Уже выше я указывалъ на то, что въ 1016 году греки (и русскіе?) овладѣли южнокрымскимъ побережьемъ и что по этой причинѣ наши отрывки не могутъ относиться ко времени послѣ 1016 года.

Результатъ, къ которому мы пришли, весьма замѣчательный. На всемъ протяженіи времени отъ середины января 904 года (или, лучше, отъ второй половины декабря 874 г., такъ какъ прохожденіе Сатурна 903—904 г. по всей вѣроятности непримѣнимо) до середины декабря 1021 г. Сатурнъ имѣлъ указанное въ I фрагментѣ положеніе среди звѣздъ только одинъ разъ, а именно около начала января 963 г.

Къ крайнему моему прискорбію Ѡ. И. Успенскій (Отчетъ) не въ состояніи былъ разобратъся въ астрономическомъ отдѣлѣ моего труда, превратно понявъ его и, выхватывая отдѣльныя выраженія, вводитъ читателей въ заблужденіе. Иначе онъ не смогъ бы сказать, что самая сильная карта въ его (Вестберга) рукахъ или тотъ астрономическій козырь, который долженъ былъ запереть всѣ ходы противникамъ, на самомъ дѣлѣ не оправдалъ ожиданій». Многоуважаемому рецензенту надлежало обратиться за содѣйствіемъ къ астроному. Позволяю себѣ еще разъ указать на тѣ результаты, къ которымъ насъ приводятъ астрономическія вычисленія Зейбота. На

пространствѣ времени отъ середины IX вѣка до конца 1021 года, указанное въ Запискѣ топарха астрономическое наблюдение, сдѣланное вскорѣ послѣ замерзанія Днѣпра у Днѣпровскихъ пороговъ, подходитъ только къ двумъ датамъ: безспорно—къ рубежу 962/963 г. и съ весьма малою долею вѣроятности—ко времени около начала 904 г.

Для полноты и изъ простаго любопытства я попросилъ астронома Зейбота вычислить еще слѣдующія прохода Сатурна до начала XII столѣтія включительно и изобразить ихъ графически, что онъ и исполнилъ съ полною готовностью.

« ħ 1050—52 } Изъ этихъ прохожденій только среднее (1080 —
 ħ 1080—82 } 1082) слѣдуетъ принять во вниманіе, при коемъ ħ
 ħ 1109—11 } въ серединѣ декабря 1080 г. находится вблизи
 i Aquarii.—Въ началѣ 1080 г. онъ былъ приблизительно на обозначенномъ × мѣстѣ». Въ 1080 г. свирѣпствовали на югѣ Россіи недавно явившіеся здѣсь половцы, которыхъ никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ «варварами» фрагментовъ. Къ тому южное поморье Крыма (во всякомъ случаѣ полоса отъ Херсона до Судака) принадлежала въ ту эпоху грекамъ.

(Hase) Fragmentum I.

I. ...difficulter applicabant [lintres], tametsi unaquaeque earum non ultra ternos homines caperet: adeo erant mirabiliter exiles. Quamquam ne sic quidem locum invenire poterant in fluctu, multis earum duobus maximis glaciei frustis collisis atque contritis: quod quoties accidebat, exilientes e lintre qui inerant, in glacie considebant, ac velut super oneraria navi vehebantur. Aliae lintres vel hauriebantur fluctibus: tam infestum tunc se declarabat Danapris. Nos vero ibi aegre diuque expectavimus, velut succensentes flumini, quod non esset glaciatum. Nec multis diebus post erat aqua tum undique gelu constricta, tum mirificè firma: ut pedites equitesque intrepide per fluxum commearent, certaminaque tanquam in campis strenue ederent. Ita quasi praestigiatores aliquem se Danapris praedebat, prius violenter ac saeve elatus, et prope dicam aspicientibus universis terrorem iniiciens: mirumque eundem brevi tempore submissum fractumque adeo videri, ut illuderent et conculcarent omnes quasi subterraneum factum, et in latibulum aliquod a se ipso absconditum. Neque enim tantum aquas manantes referebant fluenta, quantum montes asperos et petrosos ostendebant.

Et subter fluens liquor quanam in re aquae vel par vel similis poterat videri?

II. Ita moestitia nostra in hilaritatem conversa est: complois manibus proxime accessimus, per aequor equitantes. Transgressi nullo negotio cum in vicum Borion venissemus, ad corpus reficiendum iumenta-que curanda nos convertimus, quae ipsa ex maiori parte aut erant invalida, aut defecerant. Confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas, accingebamus nos Maurocastrum profecturi. Sed iam paratis rebus omnibus, cum nihil aliud obstaret, ipsa media nocte (quanquam maturius profectum oportebat), flante tunc aquilone gravissimo, hieme omnium saevissima se praecipitante, ut facile crederes, impervia esse itinera, nec obdurare sub dio ullum, propeque fieri non posse, ut qui tecto non servaretur interitum effugeret, tunc, inquam, formidine commoti subsistere ibidem nosque continere statuimus. Cuius consilii auctor apud sodales ego exstiti: non esse ullo modo domibus exeundum, nedum abnoctandum inde: quod princeps sidus (Saturnum vocamus) iam ad vesperum in conspectum se dabat, inque similitudinem naturae eius immutabatur aër. Transibat enim tunc Saturnus circa initia aquarii, sole brumalia signa permeante. Quare tempestas, ubi semel occooperat, ad maiorem semper saevitiam progressa est, ut quae prius terrificata nobis visa fuerant, cum subsequentibus collata ludus prorsus viderentur: tam luculenter se hiems quoquoversum diffuderat. Ibi diebus compluribus confectis, vix tandemque cogitatio aliqua domum redeundi subiit animum, aère quoque sereniore se repraesentante.

III. Itaque egressi sumus, ab incolis splendide stipati: omnes me manibus complois approbant, me tanquam necessarium unusquisque uum respicit, mihi maxima precatur. Hoc die stadia LXX, neque illa integra, emensi sumus, idque praegressis ante nos aliis, qui maximam vim nivis iam dimoverant. Postridie eius diei statim a principio difficillime progrediebamur, tanquam in pelago contra nivem luctantes. Nulla terra hic videbatur esse, neque nix usitata: equi ad collum usque non apparebant: iumenta, quamvis extremo agmine subsequencia, interibant, multaque ibi relinquebantur. Etenim dicebatur nix cubitorum IV. altitudine, eratque difficillima transitu. Ita multi ex comitibus domum se contulerunt, quod calamitatem vim humanam superare arbitrabantur. Atque erat profecto insueta aerumna, miseriis undique fere ingruentibus: infra tam alta et spissa nix, superne flantes venti inclementissimi. Neque ulla sperari poterat malorum intercapedo, nec unde

quis meliorem statum assequeretur (omnia inutila et infructuosa esse his in malis apparebat), nulla erat facultas ignes accendendi, nec requiescere vel minimum spatium permittebat nobis nix.

IV. Accedebant noctu scuta pro cubilibus: haec pro omnibus habebamus, et pro stragulis et pro opertoriis splendidissimis. In illis enim corpus ad ignem, nec illum splendidum, refocillabamus. Somnum visa per quietem occurrentia, quasi timentem illa quoque, universum fugaverant. Neque quisquam magis quam alius ad aerumnas obduruerat: omnes erant ut in communi calamitate aequae et animo et corpore afflicti. Alius beatos praedicabat mortuos, ut iam sensu doloribusque liberatos: lamentabatur alius posteros, quibus miseriis oppressi illi quoque vita essent defuncturi. Item labori succubuerant exploratores nostri, vi mali victi, nec per nivem incerto gradu errantes progredi poterant. Omnium autem acerbissimum erat, quod per regionem hosticam iter faciebamus; neque inde erant res nostrae periculo vacuae, sed pariter hiemis hostiumque violentia timebatur.

Fragmentum II.

I. Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, recessimus ab illis metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aequae enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel erga coniunctissimos continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patranda caede volebant uti: sed Mysorum praedam, quod aiunt, ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis. Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculari (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia adversus subditos: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitute[m] et excindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida

plus X, pagi plane deserti non minus quingentis: vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obruncabantur gladiisque hostilibus.

II. Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium meum quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improvise, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum inde abruptis commerciis bellum inter nos et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est. Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a ...sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equibus militibusque in regionem nostram irruerunt, nos momento expugnatum iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat obsonum eos hoc sperare, quod in diruto oppido commorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse.

Fragmentum III.

I. Idque propere et instauratum fuerat, et fossa circummunitum: unaque cum his bellum quoque incepit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem praeparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, servato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC. Barbari cum nusquam appaerent, quae apta huic tempore essent a me adornata sunt, murus vetus

erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis arcessivi, de rerum summa in consilium ire volens.

II. Undique cum advenissent, concione optimatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae Imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, Graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominantis conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret esse, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent: idcirco statuerunt pacisci cum illis seque dedere, me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, eumque talem deprehendi, qualem desiderare quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam, et ex ipsius regione reditus annuos idoneos largitus est.

(Васильевскій) Отрывокъ 1.

1. Они съ трудомъ приставали, хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ человѣкъ; такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть. Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину, и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи. Мы, съ своей стороны, оставались тутъ въ досадѣ и слишкомъ долгомъ ожиданіи и какъ будто сердились на него за то, что онъ не замерзъ. Однако, спустя немного дней, вода вездѣ стала и превратилась въ такую твердую поверхность, что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ. Такимъ

образомъ Днѣпръ показалъ намъ себя какъ будто какимъ кудесникомъ; прежде онъ воздымался гнѣвный и бурный, чуть-ли не наводя страхъ даже на всякаго, кто только глядѣлъ на него, — а затѣмъ, спустя короткое время, присмирѣлъ и до такой степени притихъ, что всякій могъ забавляться надъ нимъ и попирать его ногами; а онъ представлялся какъ будто запрятавшимся подъ землю, засѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ углу. Ужь не въ видѣ просто текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ какихъ-то суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ; а то, что двигалось внизу подъ ними, развѣ представляло какое сходство или подобіе съ водою?

2. Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и конные вступили на рѣку. Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе Боріонъ, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатокъ и были утомлены въ высшей степени. Проводя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастроу. Когда у насъ все было готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи, (тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того), подулъ самый тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая жесточайшая вьюга, что нельзя было думать, чтобы какіе-либо пути остались доступными, чтобы кто-либо былъ въ состояніи вынести пребываніе на открытомъ воздухѣ, и чтобы возможно было оставившему спасительный кровъ сохранить свою жизнь; напуганные этимъ, мы рѣшили остановиться и не трогаться съ мѣста. Я (первый) сказалъ это своимъ сотрапезникамъ, что намъ нельзя (будетъ) выдти изъ дому и перебраться на ночлегъ въ другое мѣсто [и что мнѣ по звѣздамъ показалось], тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ фазисѣ, и [сообразно съ ея природою] сообразно съ нею измѣнилось состояніе воздуха [по природѣ являясь холодною и слѣжною], — называемая Сатурномъ. Ибо она именно тогда проходила около начала Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки. Итакъ, вьюга начавшись становилась все свирѣпѣе, и то, что прежде намъ казалось страшнымъ, теперь намъ представлялось шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что за симъ послѣдовало; такъ бурно распространилась во всѣ стороны вьюга. Прошло достаточное количество дней, прежде чѣмъ могла наконецъ прійти на умъ какая-нибудь мысль о возвращеніи

во свояси, и прежде чѣмъ воздухъ оказался нѣсколько болѣе благоприятнымъ.

3. И вотъ мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями. И тогда (въ этотъ первый день) мы едва оставили позади себя семьдесятъ неполныхъ стадій (около 12 верстъ) не смотря на то, что другіе прошли впереди насъ и расчистили гдѣ было много снѣга. На слѣдующій день мы съ самаго начала могли двигаться только съ величайшимъ трудомъ, какъ будто среди моря борясь противъ снѣга. Казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; лошади исчезали по самую шею, а вьючныя животныя, хотя они и слѣдовали за нами позади, совсѣмъ падали (околѣвали), такъ что ихъ много осталось тамъ на дорогѣ. Говорили, что снѣгъ лежалъ на четыре локтя и представлялъ большія трудности для проложенія пути. Многіе изъ проводниковъ воротились домой, сочтя обстоятельства превышающими человѣческія силы. Дѣйствительно тягость нашего положенія не была какою-либо изъ обычныхъ, такъ какъ затрудненія наступали на насъ со всѣхъ сторонъ; снизу глубокой и густой снѣгъ, а сверху дули рѣзкіе вѣтры. И ни откуда не ожидалось какой-либо перемѣны къ лучшему, ибо все въ этомъ бѣдственномъ положеніи оказывалось бесполезнымъ и непригоднымъ; нельзя было развести огня, и снѣгъ не давалъ намъ возможности отдохнуть хотя на короткое время.

4. Постелями служили намъ ночью щиты; они блистательнѣйшимъ образомъ шли у насъ и вмѣсто кровати, и вмѣсто всякихъ покрововъ. На нихъ мы отдыхали, грѣясь тѣломъ при огнѣ, хотя и не очень яркомъ. Сонъ и бывающія въ сновидѣніяхъ мечтанія были далеки отъ насъ, какъ будто и они были испуганы. Ни о комъ нельзя было сказать, чтобъ онъ выдерживалъ лучше другого [напротивъ, тѣ, которые вчера казались крѣпче и ободряли другихъ, сегодня были вялыми и унылыми]; при общемъ для всѣхъ бѣдствіи, тѣлесное и душевное настроеніе у всѣхъ было одинаково. Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ, которые уже освободились и отъ заботы, и отъ трудовъ; другой сожалѣлъ о будущемъ поколѣніи, съ какими-то еще бѣдствіями и ему прійдется проходить свою жизнь. Наши развѣдчики также утомились, побѣжденные множествомъ золъ, и не имѣли силы идти впереди, наобумъ и даромъ блуждая по снѣгу. Но самое большое бѣд-

ствіе заключалось въ томъ, что мы шли по непріятельской землѣ, и уже вслѣдствіе этого наше положеніе не было безопасно; напротивъ зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

Отрывокъ 2.

1. [Именно и ради этого и сѣверные берега Дуная]. Только тогда мы рѣшились начать войну съ варварами, или если уже слѣдуетъ сказать сущую правду, мы отступили (передъ ними) изъ опасенія, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами), и мы разсудили (за лучшее) противостоятъ имъ здѣсь сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ-либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ [нашей] ихъ земли—какъ говорится—добычу Мисянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность, — тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того, сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Вмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ подвластныхъ городовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жалуясь на своихъ властителей и ясно доказывая, что они ни въ чемъ неповинны, эти люди (то есть, подданные) добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой-то сильный злой порывъ, такъ что для челоуѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. Болѣе десяти городовъ лишились своего населенія, не менѣе пяти сотъ селеній превратились въ пустыню: словомъ, вся сосѣдственная и близкая къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ не повинные, подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы, сдѣлались добычею насилія и меча.

2. Жестокая судьба привела наконецъ и къ моей области ту заразу, которая злымъ образомъ губила всѣхъ и уже обошла (кругомъ) моихъ несчастныхъ сосѣдей. Я заранѣе ожидалъ этого прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосторожности, чтобы она не захватила насъ врасплохъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ появленіемъ не нанесла намъ гибели. Когда жъ опасность на язву пришла къ намъ, и когда всѣ ясно сознали, что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности (едва не рисковалъ своею жизнью). А что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у насъ съ варварами безъ всякаго (предварительнаго) объявленія началась война, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячу разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія. И вотъ война тотчасъ началась, и наступленіе зимы было близко, ибо солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота. Между тѣмъ варвары, собравшись большими силами, вторглись въ нашу землю съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и рассчитывая на слабость нашей страны (чит. стѣны) и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопробываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣлали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія, чѣмъ изъ настоящаго города. [Но потерявъ многихъ изъ своихъ и подвергшись посрамленію, къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра. Ибо противъ пѣхоты и я самъ противопоставилъ стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы—конницу, раздѣливъ войско на двѣ части]. Поэтому эта земля ранѣе того была разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушали до основанія и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ. Итакъ, изъ находящихся на лицоматеріаловъ я выстроилъ подлѣ него сперва одну крѣпостцу, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить (занять) и весь остальной городъ.

Отрывокъ 3.

1. И она (крѣпость) была выстроена съ большою поспѣшностью и ограждена рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и въ ней было поло-

жено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужь и весь городъ сталъ населяться; а крѣпость приготовлена была для того, чтобы спасать насъ въ большой опасности [сохранялась]. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопасшись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда немногимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехъ сотъ. Не видя нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, воздвигая старую стѣну и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе. [Но боясь, чтобъ опять съ большою силою не при... И съ бѣльшимъ войскомъ не пришли, когда же составилось вѣче, о томъ, что я тогда сказалъ...]. Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче изъ лучшихъ людей, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ господъ (властителей) болѣе пужно желать, и, какихъ получивъ, какую пользу нужно стараться извлекать изъ нихъ и вообще что теперь слѣдуетъ дѣлать: о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь по порядку, если бы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего.

2. Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе о еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмеается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообщая всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое. И такъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и опъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того, подарилъ мнѣ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы.

Отрывокъ 1.

1 ГЛАВА.

§ 1... Съ трудомъ доѣзжали они (челны), хотя каждый изъ нихъ не вмѣщаль болѣе трехъ человѣкъ; такъ совсѣмъ прежалки они были. Но даже эти (челноки) все-таки не имѣли мѣста въ потокѣ; ибо двумя громаднѣйшими льдинами многіе изъ нихъ спирались и сдавливались; и всякій разъ, какъ это случалось, выскакивая изъ челна, бывшіе въ немъ высаживались на льдину и плыли какъ на баркѣ. Нѣкоторые же изъ нихъ (челноковъ) онъ увлекъ и поглотилъ: такъ свирѣпствовалъ Днѣпръ.

§ 2. Мы же ждали здѣсь весьма угрюмо и очень долго (въ весьма тягостномъ положеніи и съ величайшимъ нетерпѣніемъ) и были какъ бы сердиты на него, что онъ не замерзалъ. И немного дней спустя вода вездѣ замерзла и была чрезвычайно тверда, такъ что можно было и пѣшкомъ, и на коняхъ, безбоязненно ходить по потоку и мужественно биться въ бояхъ, какъ на равнинахъ.

§ 3. И словно какимъ-то волшебникомъ выказалъ себя Днѣпръ, воздымавшійся прежде мощно и грозно и чуть-ли не пугавшій всѣхъ глядѣвшихъ на него; немного же спустя онъ унялся и до того присмирѣлъ, что всякій могъ плясать и попирать ногами, а онъ являлся словно какимъ-то подземнымъ, засѣвшимъ въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ.

§ 4. Ибо не столько на текуція воды походили потоки, но какія-то суровыя [темныя] и каменистыя горы представились. Да и что имѣло двигавшееся внизу подобнаго или схожаго съ водою?

2 ГЛАВА.

§ 1. Вслѣдствіе того наше уныніе превратилось въ радость; и, шарукоплекскавшись вдоволь, мы двинулись впередъ, верхомъ, по водной глади. Безпрепятственно переправившись и прибывши въ селеніе Воріонъ, мы обратились къ ѣдѣ и къ уходу за лошадьми, тоже изнуренными и ослабшими до крайности. И проведши тамъ столько дней, сколько нужно было чтобы оправиться, мы сиѣшили пойти на Маврокастронъ.

§ 2. Когда же все у насъ было тогда готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи — тогда какъ намъ

слѣдовало (утромъ) пораньше выступить—подулъ тогда сильнѣйшій сѣверный вѣтеръ и обрушилась наизлѣйшая вьюга, такъ что можно было думать, что проходы недоступны, что никто не въ состояннн выдержать подъ открытымъ небомъ и что почти невозможно не спасшемся подъ кровъ остаться въ живыхъ. Устрашенные рѣшили мы бездѣйствовать и здѣсь покоиться.

§ 3. Я это сказалъ своимъ однокашникамъ, что никакъ не слѣдуетъ выйти изъ дому и откочевать отсюда, [и какъ по звѣздамъ было мною показано], когда первая изъ звѣздъ уже виднѣлась на западѣ и (сообразно съ ея природою) сообразно съ нею измѣнялся воздухъ [являясь по природѣ болѣе холодно и снѣжной], — называемая Сатурномъ. А онъ какъ-разъ находился въ началѣ своего прохожденія черезъ Водолея, въ то время какъ солнце пробѣгало зимнне (знаки).

§ 4. И дѣйствительно вьюга поднявшись разъярялась все болѣе, и случилось, что показавшееся намъ раньше страшнымъ казалось намъ игрушкою въ сравненн съ воспослѣдовавшимъ: такъ всеильно буря расходилась во всѣ стороны. Прошло достаточно дней, пока наконецъ-таки не пришла снова мысль о возвращенн на родину, когда и воздухъ оказался благопрнятнѣе.

3 ГЛАВА.

§ 1. И вотъ мы выступили, блестяще провожаемые туземцами, при чемъ всѣ рукоплескали мнѣ и взирали каждый, какъ на близкаго себѣ, и желали всего лучшаго.

И тогда мы оставили позади себя неполныхъ семьдесятъ стаднй, хотя другн прошли впереди насъ и стоптали главную массу снѣга.

§ 2. На слѣдующнй же день мы съ самаго начала подвигались съ величайшимъ трудомъ, какъ-бы въ морѣ борясь противъ снѣга. Ибо дѣйствительно это, казалось, была не какая-то земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; но лошадей до шеи не было видно; вьючныя же животныя, хотя и слѣдовали за нами на самомъ концѣ, гибли и многн тамъ остались. Ибо снѣгъ опредѣлялся въ четыре локтя и былъ трудно проходимъ. И многн изъ проводниковъ вернулись домой, считн это явленн свнше человѣческой силы.

§ 3. И по истинѣ затрудненн было какимъ-то изъ необычайныхъ, такъ какъ тягости наступали отовсюду: столь глубокай снѣгъ и густой снизу, сверху же дули самые рѣзкн вѣтры. Перерыва ни съ какой

стороны не ожидалось и не предусматривалось, откуда бы имѣла получиться перемиѣна, ибо все оказывалось бесполезнымъ и напраснымъ въ тогдашней бѣдѣ: нельзя было развести костровъ, и снѣгъ даже не давалъ намъ отдохнуть на короткое время.

4 ГЛАВА.

§ 1. Постелями же ночью намъ служили щиты; они приходились намъ великолѣпнѣйшимъ образомъ всѣмъ: и койками, и покрывами. Ибо въ нихъ мы покоили свои тѣла при кострѣ, хотя и не яркомъ.

§ 2. Сонъ и сновидѣнія совсѣмъ отсутствовали, какъ будто и они были напуганы. Никто же не выдерживалъ лучше другого; [но бывшіе вчера крѣпче и ободрявшіе другъ друга, сегодня были вялы и унылы] всѣ были, при общемъ злополучіи, какъ душевно, такъ и тѣлесно одинаково настроены. Одинъ хвалилъ умершихъ, свободныхъ отъ заботъ равно и трудовъ; другой скорбѣлъ о будущихъ (поколѣніяхъ или обстоятельствахъ), при какихъ-то бѣдствіяхъ и они проведутъ свою жизнь.

§ 3. Даже развѣдчики утомились побѣжденные массою зла, и не въ силахъ были выйти впередъ, такъ наобумъ идя по снѣгу. А хуже всего было то, что мы шли и по непріятельской землѣ и уже вслѣдствіе этого наше положеніе становилось не безопаснымъ, но зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

Отрывокъ 2.

1 ГЛАВА.

§ 1. Тогда только рѣшили мы воевать съ варварами [поэтому-то и сѣверъ отъ Истра] или, если слѣдуетъ сказать правду, мы изъ опасенія, чтобы они, предупредивъ насъ, не истребили, поднялись и постановили по мѣрѣ силъ сопротивиться имъ, одинаково всѣхъ разорявшимъ и губившимъ безчеловѣчнѣйше, подобно какимъ-то звѣрямъ, проявляющимъ ко всему (всѣмъ) свою ярость.

§ 2. Ибо даже по отношенію къ самымъ близкимъ имъ какъ не присуща была какая-либо пощада, такъ они и не предполагали совершать убійство по какому либо расчету или справедливому рѣшенію; но злобно и безцѣльно они задумали изъ своей [нашей] земли сдѣлать—такъ сказать—добычу мисянъ (т. е. разорить до тла).

§ 3. Ибо извратились прежняя ихъ мягкость и справедливость; ихъ-то уважая раньше болѣе всего, они какъ воздвигли себѣ величайшіе трофеи, такъ и города, и народы добровольно къ нимъ примкнули.

§ 4. Теперь же какъ-будто, наоборотъ, у нихъ проявились несправедливость и произволъ относительно подчиненныхъ. И они постановили подвластные города, вмѣсто услуженія и цѣлесообразнаго благоустроенія, поработить и уничтожить.

§ 5. Жалуясь на начальниковъ, какъ и прочно доказывая, что они ни въ чемъ не провинились, эти люди тѣмъ не менѣе не могли избѣжать смерти.

§ 6. Ибо какое-то обиліе, повидимому, зла такъ разразилось, что дѣла людскія, казалось, рушатся и страшнѣйше ниспровергаются какъ бы вслѣдствіе крушенія, или какой-либо бездны неожиданнѣйшей и зловѣщей.

§ 7. Ибо болѣе десяти городовъ лишились жителей, а селеній не менѣе пяти сотъ совсѣмъ опустѣли; словомъ сосѣдняя и близкая къ намъ окрестность была какъ-бы вслѣдствіе бури разгромлена; люди, ни въ чемъ неповинные, защищенные клятвою, сдѣлались добычею рукъ и меча.

2 Глава.

§ 1. Такую гибель, зло уничтожавшую разомъ всѣхъ и обошедшую нашихъ несчастныхъ сосѣдей, противная судьба привела наконецъ и къ моей области. Мнѣ уже раньше было подозрительно и я принималъ всякую предосторожность, чтобы она не напала нечаянно и подкравшись не сразила насъ на мѣстѣ.

§ 2. Когда же наяву пришла опасность и всѣ ясно сознавали, что наша жизнь теперь въ опасности, я отстранилъ тогдашнюю гибель самымъ умнымъ способомъ, какъ только могъ, хотя я едва не подвергся самой крайней опасности.

§ 3. Съ тѣхъ поръ возникла война безъ объявленія между нами и варварами, при чемъ они не сносились съ нами, хотя я тысячу разъ предлагалъ договоръ, и мы уже имѣли стычки другъ съ другомъ.

§ 4. И война началась тотчасъ, зима же была близка къ наступленію, ибо уже солнце немного отстояло отъ зимнихъ (знаковъ).

§ 5. Между тѣмъ варвары, снаряженные значительнымъ войскомъ, вторглись въ нашу землю съ конницею и вмѣстѣ съ пѣхотою, полагая,

что одновременно съ (боевымъ) крикомъ овладѣють нами какъ вслѣдствіе непрочности стѣны, такъ и вслѣдствіе нашей оробѣлости.

§ 6. И не безъ основанія они это думали, такъ какъ мы имѣли свое мѣстопробываніе въ разрушенномъ городѣ и дѣлали вылазки скорѣе изъ селенія, чѣмъ изъ города, [но тѣ, потерявъ многихъ изъ своихъ и осрамившись, отступили къ вечеру, ожидая разсвѣта. Ибо пѣхотѣ я тоже противопоставилъ стрѣлковъ, конницѣ же конницу, выстроивъ войско въ два отряда]. Ибо земля была раньше разорена и значительно опустошена самими варварами, при чемъ они снесли стѣны до основанія.

§ 7. И тогда только я первый разсудилъ снова населить Климаты. Поэтому-то я сначала выстроилъ возлѣ нихъ крѣпостцу изъ имѣвшихся на лицо (матеріаловъ), такъ что отсюда легко было отстроить и весь остальной городъ.

Отрывокъ 3.

1 Глава.

§ 1. И она была выстроена съ большею поспѣшностью и ограждена рвомъ; и вмѣстѣ съ этими... (приготовленіями?) и война началась.

§ 2. Распредѣлена была крѣпостца между родами, и въ ней сложили наиболѣе цѣнное; а все, что было излишне, лежало гдѣ-то внѣ въ другой оградѣ города. Ибо уже и городъ весь населялся; крѣпостца же была приготовлена [сохранялась], чтобы спасти насъ въ великой опасности.

§ 3. Но варвары, потерявъ тогда многихъ изъ своихъ и осрамившись, отступили къ ночи, ожидая разсвѣта; я же вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ воевать. У меня тогда было немного болѣе ста конныхъ, а пращниковъ и лучниковъ—свыше 300.

§ 4. Такъ какъ варваровъ нигдѣ не было, я выполнилъ цѣлесообразное, воскрешая старую стѣну и поучая своихъ хорошо подготовиться къ войнѣ. Къ нашимъ же приверженцамъ я послалъ спѣшныхъ вѣстниковъ и пригласилъ ихъ, желая обсудить общее положеніе. [Но боясь, чтобы они снова съ бѣльшею силою не при... и съ войскомъ великимъ не пришли. Когда же собраніе состоялось, что я сказалъ тогда].

2 ГЛАВА.

§ 1. Когда же они отовсюду пришли и собраніе изъ лучшихъ (людей) состоялось, что я тогда сказалъ, къ какимъ властителямъ болѣе надлежитъ стремиться и, къ какимъ обратившись, какой выгоды стараться отъ нихъ добиться и что сдѣлать,—и все другое, что я тогда сказалъ, хотя бы я и цѣнилъ больше всего, было бы долго желать рассказать все подрядъ.

§ 2. Они же, либо потому, что никогда-де не были причастны къ царскому благорасположенію, что пренебрегали болѣе греческими порядками и больше всего домогались автономіи; либо потому, что они сосѣди царствующему на сѣверѣ Истра, могучему къ тому многочисленнымъ войскомъ и силою боевой, и что отъ тамошнихъ нравовъ не отличны въ своемъ образѣ жизни,—постановили заключить съ ними договоръ и передаться, и всѣ сообща подали голосъ, чтобы я же совершилъ таковое.

§ 3. И я отправился, чтобы наше было спасено, и нашелъ его, какъ нельзя было лучше желать. И когда я ему все изложилъ въ возможно краткой рѣчи, онъ счелъ то дѣло болѣе всего важнымъ, мнѣ снова охотно передалъ всю власть надъ Климатами, прибавилъ еще цѣлую сатрапію и даровалъ значительные ежегодные доходы въ своей землѣ.

Фр. Вестбергъ.